

Ренат Янышев

18+

Психология
с подковыркой

Ренат Янышев

Психология с подковыркой

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Янышев Р.

Психология с подковыркой / Р. Янышев — «ЛитРес: Самиздат»,
2007

Дайте женщине рычаг – и она перевернёт землю. Тот, кто попробует обокрасть психолога, горько пожалеет о содеянном, потому что для поимки вора будут применены все последние достижения психологии. Что и продемонстрировала главная героиня Валерия Верницкая после пропажи денег, одолженных у подруг на покупку автомобиля. Вот только, как говорят, «её бы энергию – да в мирное русло»!

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

ПСИХОЛОГИЯ с ПОДКОВЫРКОЙ

ГЛАВА 1

– Аллах Акбар! – раздался гортанный голос, выводя меня из дремотного, тяжелого сна.

Я пошарила рукой по полу рядом с кроватью, но будильник куда-то запропастился, а ровно через десять секунд вновь воспроизвел мусульманский клич. Теперь я смогла запеленговать его и застонала от отчаяния. Звук шел с верхушки секретера.

А это значит, что надо вставать, иначе он никогда не заткнется.

– Аллах Акбар! – подстегнул меня ненавистный горлопан.

Делать нечего, пришлось самым решительным жестом откинуть одеяло и подняться, ахая и охая, навстречу новому дню. Тут же раздалось приглушенное мяуканье – это одеяло накрыло Кэри. Сиамская выпросталась из-под завала, окинула меня недовольным взглядом и отправилась на кухню проверять, что сегодня на завтрак.

Пока нашелся халат, пока я убирала книги со стула, пока думала, полить ли цветы сейчас или чуть погодя, будильник изорвал мне все нервы. Но я специально не торопилась к нему, пусть не воображает, что имеет надо мной власть. Пусть сколько угодно орет, в качестве контимер можно уйти на кухню и там отсидеться, пока батарейки не сядут.

С будильником такую свинью подложил мне Сережка, прирожденный истязатель, и по совместительству – мой муж. Он его нарочно убирает подальше, чтобы подъем был неотвратим, как восход солнца.

Наконец, тапки устроились на ногах, стул занял исходную позицию, а я дотянулась и стащила негодника вниз. И, оставаясь на стуле, жестоко расправилась с ним, посильнее вдавив кнопку в тщедушное тельце. Он еще попробовал выдавить из себя последнее:

– Алла...

Но засипел и сдался.

– Вот так-то, – мстительно заявила я и, вытерев рукавом пыль с подошвы будильника, набранную на верхотуре, положила его в карман.

В это время в дверях показалась сиамская. Она выразительно посмотрела на меня и, постукивая хвостом по полу, вернулась на кухню. Делать нечего, пришлось идти следом. Ну конечно, никто не удосужился налить для кошки воды и насыпать корма. Вечно приходится делать все самой. Приготовив завтрак для сиамской, я решила вознаградить себя чашечкой кофе в утренней тишине. Поставила чайник и стала искать банку кофе.

И представьте себе! Я НОЧЬЮ вернулась из командировки, потому что мой самолет задержали на пять часов из-за каких-то ужасно-технических причин, а в доме не осталось ни крупинки кофе. Увы, хоть и был произведен самый тщательный обыск, единственно наглядным итогом оказались просыпанный на пол рис, да разбитая старая чашка!

В холодильнике тоже было хоть шаром покати. Только банановая корка. Такое в духе моей семейки. Они подъедают все, что я им наготовлю впрок перед отъездом. А потом начинают голодать, изображая из себя покинутых и неухоженных. Эта картина, по их мнению, должна душераздирающе подействовать на мое сострадательное сердце. Что в свою очередь, следуя их извращенной логике, приведет, в конце концов, к отказу от командировок. Можно подумать, это зависит только от моего желания.

Но вот оставить меня даже без кофе! Это верх цинизма. И Сережке еще придется вечером ответить по всей строгости семейного права. Я ему что-нибудь устрою!

И даже в кладовке не обнаружилось стратегических запасов кофе. Однако окончательно подкосила меня собственноручная записка, прикрепленная на «доске объявлений». Еще с доисторических времен в нашей семье сложилась традиция вывешивать дацзыбао на дверях туалета. Это неплохой способ противодействия моей забывчивости.

«Привет! Ты помнишь, что тебе сегодня на работу?»

Всё! Я кое-как дотащи́лась до кухни и рухнула на диванчик. Конец мечтательным планам о тихом, домашнем отдыхе. Вчера, пока я бездельничала в аэропорту, мне позвонила Людка, заведующая нашей кафедрой, и трагическим голосом сообщила, что она заболела, и теперь мне предстоит прочесть вместо нее лекцию третьему курсу. Мои вялые попытки отказаться ни к чему не привели.

– Твой самолет прилетает не поздно, – увещевала меня начальствующая подруга. – Успеешь подготовиться. Ты ведь читала этот материал в прошлом году? Читала! Так что спокойненько заменишь меня. Ну все, пока!

Вот так я и осталась без выходного. Мечтательные планы развеялись как дым на ветру. Только и осталось, что влить в себя две чашки чая, погрызть сухарей и отправиться выгулять Кэри. Утренняя прогулка была обязательным ритуалом после моих возвращений из командировок. Хотя в принципе сиамской на улицу было начхать. Она вполне довольствовалась территорией квартиры.

Естественно, пришлось немножко привести себя в порядок, подкраситься, уложить волосы. Уже в коридоре я еще раз взглянула в зеркале на свое отражение. Волосы (мои каштановые волосы с бронзовым отливом, которые некоторые глупые дальтоники называют рыжими) были небрежно рассыпаны по плечам. Глаза я лишь слегка подвела, чтобы не заглушать изумрудный огонь, пылавший во взоре. И немного мазнула помадой по припухшим губам, совсем чуть-чуть, просто чтобы подчеркнуть их чувственность. Морщинок за время командировки не прибавилось. Так что, не найдя изъянов, я удовлетворенно воскликнула: «Хороша!» и покинула квартиру.

Мой выход из подъезда по времени совпал с полднем.

Исходя из понимания биологического ритма, я справедливо рассудила, что собачников на дворе уже не будет, и не стала брать шлейку. Уж очень Кэри ее не любила. За подобную самонадеянность меня тут же наказала судьба.

Из соседней парадной, одновременно с нами, вышла нервическая дама с французским бульдогом. Дама явно жаждала общения, поскольку сразу устремилась в мою сторону, заранее приоткрыв рот для словоизвержения.

Я попыталась ее предостеречь, чтобы она была осторожней – у меня сиамская. Но дама лишь еще больше просияла, узрев в моих словах благовидный повод для завязывания знакомства:

– Ну что, вы, душечка, мой Фордик совсем не агрессивный. Он не тронет вашу кошечку. Вы знаете, ему уже три года, а он все такой же добрый, как щенок. Он даже стесняется выставляться. Хотя экстерьер великолепный. Это все мои приятельницы могут вам подтвердить. А у вас кошечка или котик? Вы давно живете в этом доме? Мы совсем недавно сюда переехали. Это из-за мужа. У него сменилась работа...

Кэри хоть и выходила гулять, но предпочитала ограничиваться сидением на моем плече. Она брезговала ходить по грязной земле или асфальту. Откровенно говоря, я бы тоже не рискнула босиком пройтись по нашему двору. Но в самый разгар фонтанирующего словоизвержения, когда я с тоской думала, как избавиться от говорливой дамы, произошло роковое стечение обстоятельств. Сиамская, перебираясь на другое плечо, оступилась и, естественно вцепилась в то, что было под ее лапами. Это оказался мой любимый шарфик. Я ничего не успела сделать, как они вместе свалились вниз.

На беду, именно в этот момент бульдог решил обнюхать мои сапоги, за что и поплатился. Кэри свалилась прямо на него и, желая сохранить равновесие, вцепилась когтями в собачью шкуру. Пес, ошалев от свалившейся на него напасти, взвизгнул и стал нарезать круги вокруг нас. Тогда сиамская, не желая свалиться со скакуна, посильнее запустила когти в Фордика, что придало ему еще большее ускорение. А красно-желтый шарф развеялся за ними, как победный вымпел.

Дама сразу же завизжала, беспомощно выпустив поводок из рук:

– Уберите свою кошку с Фордика! Вы слышите? Она выпарапает ему глаза!

После нескольких попыток я все же сумела наступить на поводок и остановить это безумство, сняв Кэри с истошно визжащего бульдога. Поверьте – это было нелегко. У меня сразу же появились подозрения, что Кэри это проделала нарочно, но с доказательной базой было, увы, слабовато.

Видимо это у них генетическое. Ну не любят индокитайцы французов. Мне, правда, от этого было не легче, поскольку скандал в этот момент приобрел логическую стройность:

– Бедный мой песик! Вы посмотрите только, что с нами сделала эта бешеная! Она же нам всю спину изодрала. Боже, мы же кровью истечем!

Она стояла, причитая подобным образом, не забывая шарить глазами по сторонам – есть ли зрители. Впрочем, Форду действительно досталось. Он жался к ногам хозяйки и жалобно поскуливал, искренне не понимая, за что получил трепку.

Лишь после многочисленных заверений, что ущерб, нанесенный собаке, будет возмещен, я смогла ретироваться с места сражения.

Одна Кэри от случившегося получила моральное и физическое удовлетворение. Возвращаясь на моих руках домой, она плотоядно облизывалась и довольно урчала.

Из-за этого происшествия времени осталось только, чтобы перечитать материал, набить сумку и выскочить на улицу. Безрезультатно прождав маршрутку, я решила взять такси.

При виде моей руки, нещадно подрезая остальные машины, с левой полосы рванула какая-то забрызганная донельзя, а потому неопределенного цвета, колымага выделки середины 80-х. Я хотела было отказаться от услуг сомнительного качества, но стекло передней двери опустилось, и оттуда выглянула красная шляпа с загнутыми полями:

– Куда едем?

Шляпа была женской, впрочем, как и голос. Меня это заинтриговало и я ответила, что надо на Финляндскую. Там находилось вторая институтская площадка, использовавшаяся преимущественно для занятий с заочниками.

– Садись. За сотню считай ты уже там.

Я забралась в салон и только там повнимательней рассмотрела владелицу авто. Яркая брюнетка с резкими чертами лица, лет за пятьдесят, в брючном костюме, отчаянно лихачила, ввинчиваясь в малейшие разрывы между машинами. Она постоянно сигналила, жестикулировала и курила одну за другой папиросы, вставляя их в длинный изящный мундштук.

Она олицетворяла собой независимость. Независимость от быта, от мужчин, от тысячи мелочей, опутывающих женщину в современном мире. Конечно, это была иллюзия. Иначе бы ей не пришлось подрабатывать частным извозом. Тем не менее, она ездила на машине. А я, имея семилетней давности права, вынуждена лишь мечтать об этом. И я тяжело вздохнула.

– Что грустила, подруга? – повернулась ко мне, пока мы стояли у светофора, брюнетка.

В ее глазах я увидела искреннее сочувствие и неожиданно для себя самой призналась в сокровенном:

– Да вот, все о машине мечтаю.

– О какой? – тут же решила уточнить собеседница.

Она бесцеремонно мне тыкала, но это не вызывало отторжения, поскольку в ее устах казалось совершенно естественной манерой общения.

– Не знаю, что за модель. Я ее только один раз видела. Такая маленькая, уютная, красного цвета, с раскосенькими глазками. Двухдверная.

Для вящей достоверности я стала помогать себе руками, показывая плавные обводы моей мечты.

Она состроила гримаску и пожала плечами:

– Нет. Так не понятно. Тебе надо просто взять, полистать несколько автомобильных журналов и ты сразу же найдешь, что тебе надо.

Это вызвало у меня очередной вздох:

– А дальше что?

– Что именно? – не поняла меня брюнетка. – Берешь деньги и покупаешь. Можешь – так новую, нет – так старушку какую-нибудь. Вот я, к примеру. Захотела на машине ездить? Сама видишь результат – уж третий год на этом «Гольфе» катаюсь. Ты пойми – это же жизненный принцип. Мне вот тоже муж никак не хотел подарить машину. Я его просила, просила. А потом поняла, что раз он не хочет мне помочь, то плевать на него. Сама решу свою проблему. Записалась на курсы тишком, сдала экзамены и вперед. Заняла у знакомых и купила! Ты запомни, все мужики снобы и помощи от них не дождешься. Надо самим свою жизнь устраивать.

Я сидела, слушая откровения автомобильной мессии, и поражалась. До чего же простое решение моих затруднений!

Дело в том, что на Финляндскую я ездила только изредка. А большинство занятий вела у черта на куличках, поскольку основные учебные корпуса нашего института располагались на Московском проспекте. Может, кому-то это и было удобно. Но только не мне, поскольку я вынуждена была добираться до работы на перекладных и тратить на дорогу больше часа в один конец. И маленькая машинка кроме чисто эстетического удовольствия могла принести и большие выгоды, а может быть и экономию времени.

Осталось решить, кто же возьмет на себя трудное бремя моего спонсорства. Но тут мои размышления были прерваны.

– Всё, приехали, – жизнерадостно объявила Красная шляпа. – И помни подруга! Не давай себя в обиду. Хочешь машину – наизнанку вывернись, хоть на спор гольшом по Невскому пройдишь, но раздобудь монеты и купи. Знаешь, как потом сама себя уважать станешь? И самооценка повысится. Хе-хе! Жить надо в тонусе...

Какое-то время я простояла на тротуаре, размышляя о том, почему она упомянула самооценку: догадалась о месте моей работы, или это простое совпадение? Но потом спохватилась и побежала на занятия. Отчитав материал третьему курсу, я еще успела сдать бумаги в бухгалтерию и поехала домой.

По дороге пришлось заскочить в пару магазинов. Но при этом в голове навязчиво мелькала мысль: «А если бы была машина? Да я бы хоть в три магазина, хоть в четыре заехала!»

Едва я переступила порог квартиры, как на меня надела вся семейка. Сиамская стала нагло и громко мяукать, требуя корюшку, которую она почуяла в пакетах. В унисон с ней Натка запричитала, что она больше не будет ходить в школу, потому что ей совершенно нечего одеть.

– Надо мной уже вся школа смеется! – добавила она, округлив для убедительности глаза.

– И начальные классы тоже? – спросила я, пытаясь пристроить пакеты на пол.

– Да ну тебя, – обиделась дочка и резко развернувшись, убежала в свою комнату, хлопнув при этом погромче дверью. – С тобой ни о чем нельзя поговорить.

Я стала раздеваться но, увы, не в тишине. Теперь на сцену выступил супруг:

– Привет, малыш! Как съездила? А мы тут отошдали слегка. Видишь, какая Наташка бешеная? И когда твои поездки закончатся? Ну, неужели ты не можешь их прекратить?

Все, завелась шарманка, это надолго. Я отключила сознание и прошла на кухню готовить ужин. Пока я строгала, жарила и чистила, семейное радио доложило мне обо всех мелких и крупных событиях, как в обществе, так и в нашей отдельно взятой ячейке. Я вяло кивала головой, иногда поддакивала, где надо даже умудрялась вставлять вопросы, а сама думала, где взять денег.

Уже сидя за столом, я стала рассуждать вслух:

– На защиту диссертации лежит две тысячи долларов. У Машки Назаровой можно перехватить еще тысячи полторы. Ну и в институте у девчонок набрать с миру по нитке – может, еще тысячи две наскребу.

– Мать, ты это о чем? – враз насторожился Сережка.

– Машину решила купить, – коротко пояснила я.

У Натки аж уши зашевелились при этих словах, но более она ничем своего внимания не выдала, продолжая хрустеть жареной корюшкой. Сиамская проснулась, сощурилась, но подумала, что я блефую, и вновь улеглась спать. Зато Сережка подавился, и пришлось хлопать его по спине и всячески хлопотать возле него.

Отношение Верницкого (это наша фамилия) к автомобилям было сформировано давно и непоколебимо, как скала. Вкратце тезисы сводились к следующему: автомобиль – нарушает экологию; расходы на его содержание тяжким бременем ложатся на хрупкий семейный бюджет; на дачу и так легко добраться; машина в семье – источник раздоров и так далее. Вслух не упоминался только один, самый главный, фактор. Когда-то Сережка настойчиво пытался овладеть навыками вождения. Но так и не смог преодолеть свой страх перед дорогой. Поэтому в ход и пошли более рациональные объяснения.

– Ну и что ты с ней будешь делать? – выкрикнул, прокашлявшись, глава семьи.

– На работу ездить, – солидно парировала я, потом подумала и добавила: – И в магазины, и в гости, и в театр!

– А хранить где будешь? Под окнами? Так ее украдут сразу! – последовало торжественное заявление.

– Гараж куплю, – парировала я выпад, – или на стоянку поставлю.

Но сразу последовал новый укол:

– А ремонтировать кто будет?

– Да уж не ты! – огрызнулась я. – Найдутся умельцы.

Сережка тяжело засопел и пустил в ход тяжелую артиллерию:

– Значит, денег где занять, уже решила, причем без меня! И как же ты их отдавать будешь? Или защиту диссертации отложишь? Или твои кредиторы безропотно будут ждать годами, когда ты с ними расквитаешься?

– Не твои заботы, – не очень удачно ответила я, а потом добавила. – Раз не хочешь помогать, то и нечего тут умного из себя корчить.

Такое заявление, конечно, не очень правильно с точки зрения психологии семейных отношений, но иногда так хочется слегка поскандалить.

– Да ты ведь ездить не умеешь! – пустил муженек в ход запрещенный прием. – Вот разобьешь машину и останешься у разбитого корыта.

Я тут же живо представила себе, во что может превратиться моя маленькая красненькая машинка, аж на глаза слезы навернулись.

– Ну и гад же ты, Верницкий. Не успокоился, пока не довел меня до слез, – заявила я и побежала в ванну смывать попавшую в глаз тушь.

На правах угнетенного меньшинства я наотрез отказалась мыть посуду и ушла с кухни. В гостиной, одновременно являющейся нашей спальней, я поудобнее устроилась на диване и оккупировала телефонную трубку. На робкое пожелание супруга посмотреть футбол, последовало мое категорическое «нет»:

– Я хочу поговорить по телефону, а ты мне будешь мешать. Иди на кухню, там смотри.

– Но кухонный плохо показывает, – не желал смириться с поражением Верницкий.

– Ничего, – закончила я диспут. – Ты все равно будешь следить за ходом игры, а не за мимикой игроков.

Разговоры по телефону занимают удивительно много времени. Сколько себя помню, мне еще никогда не удавалось поговорить за один вечер более чем с четырьмя приятельницами.

Тем более что после обмена новостями я собиралась затронуть финансовый вопрос. И все же сегодня был поставлен личный рекорд – удалось обзвонить девять человек. Семь из них согласились помочь в трудном деле приобретения железного друга. Конечно, за деньгами еще предстояло покататься, но! В моей виртуальной копилке оказалось за вечер пять тысяч долларов! Осталось выяснить, сколько же стоит моя металлическая мечта.

Но это можно перенести и на другой день. Глянув на часы, я обнаружила, что уже давно первый час ночи. Верницкий, обидевшись, устроился дрыхнуть на кухне. Дочь тоже заснула, так и не дождавшись меня для примирения. Ничего, я же не в бирюльки играла.

ГЛАВА 2

В институте, едва дождавшись свободной пары, я заскочила на кафедру, чтобы отметить и узнать последние новости. Но возбуждение было настолько велико, что, даже недоев кофе, я побежала в библиотеку. Коллеги на кафедре этому сильно удивились, а Дмитрий Юревич, мой научный руководитель, ехидно ухмыляясь, произнес:

– Правильно, может хоть теперь написание диссертации сдвинется с мертвой точки.

Но я, боясь спугнуть счастье, не стала их посвящать в свои планы, а заторопилась в хранилище вековой мудрости. Однако выяснилось, что наша научная библиотека не получает никаких периодических изданий, посвященных автомобилям. Такая вот неудача. Но тут сидевший за одним из столов студент поднял голову и посоветовал:

– А вы бы в интернете поискали что надо.

Это была мысль. Я так и поступила – направились в центр к Гене. Геннадий Егоркин был моим другом и сетевым администратором. Он проникся охватившей меня нетерпеливостью и усадил за свободный компьютер. Я стала просматривать сайты автомобильных фирм, и вскоре моя настойчивость была вознаграждена. Моей любовью оказался «Пежо 206». Но здесь же меня ждало и разочарование. Цена была совершенно неподъемная. Тогда я полезла на вторичный рынок. И где-то через полчаса нашла искомый вариант. Всего за шесть тысяч триста долларов продавали машину моей мечты: красную, уютную, с люком и раскосыми глазками. Почти новая и только один владелец. Я переписала данные фирмы, поблагодарила Гену и пошла дальше учить студентов управлять своими эмоциями и желаниями.

Когда занятия закончились, я ни секунды не медля, помчалась в автосалон, чтобы окончательно убедиться в правильности своего решения.

Действительность превзошла ожидания. Когда продавец, совсем юный мальчик, с карточкой на груди «менеджер Иван», подвел меня к вожделенному объекту, я просто «поплыла». Машинка стояла такая хорошенькая, такая чистенькая, что сил не было оторваться. Ее глазки смотрели на меня и лукаво подмигивали: «Вот мы и встретились!»

Иван что-то говорил, я же гладила ее теплый, нагретый на солнце, ярко-красный бок и шептала:

– Ты будешь моей.

А когда мне предложили посидеть в салоне и я, устроившись в уютнейшем кресле, подержалась за руль, то поняла, промедление смерти подобно.

Следующие два дня пронеслись как в угаре. Семья демонстративно избегала со мной общаться, и только Кэри не бросила меня в эти трудные минуты. Вечером после работы я каталась на встречи по приятельницам и собирала обещанные деньги. Как оказалась правильна старая, советских времен, поговорка: «Не имей сто друзей, не имей сто рублей, а имей сто друзей, и чтоб у каждого по сто рублей!»

К исходу второго дня у меня уже было шесть тысяч в американской валюте. Из них четыре тысячи – чужих. Такая тоненькая пачка из сотенных купюр – эквивалент моей мечты. Укладываясь вечером спать, я грезилась, как катаюсь на своей красной машинке с раскосенькими глазками...

...Сережка со мной не разговаривал. Но мне было не до семейных разборок...

...На третий день мое безумство достигло апогея. Сегодня должно было все решиться. В институте мне приготовила еще тысячу долларов Оксана. Она работала на кафедре возрастной психологии и была моей давней подругой, еще со студенческой скамьи. Собранных денег теперь хватало на оплату машины, страховку и сигнализацию.

Оксана сама зашла к нам на кафедру и передала деньги под любопытными взглядами коллег. Уже почти весь институт знал о том, что я собираюсь приобрести авто. Ну а пока же, я аккуратно добавила ее доллары в конверт к остальным купюрам.

– И ты не боишься с такими деньгами по институту ходить? – озаботилась Оксана.

– Да нет, – пожалала я плечами. – Бандиты у нас не учатся, так что удар по голове мне не грозит. А в салон я поеду на такси.

С тем и расстались. Весь день я летала по институту как на крыльях. Лекции отчитывались на одном дыхании. Студенты-первокурсники на семинаре показались не такими уж и пропащими. Наши дамы, у которых уже имелись машины, наперебой во время перерывов делились знаниями о повадках автомобилей и мужчин-водителей на дорогах.

– Главное, не робей, – твердили они хором, – среди мужиков совершенно дикое количество придурков. Они просто друг на друга внимания не обращают. А как мы что-нибудь нарушим, так сразу сигнальщики начинают. А ты тоже в ответ на сигнал дави. Покажи, что не боишься их. И сразу знаки учебные навесь везде, и как перекресток проходишь, аварийку включай. Все от тебя как от чумы будут шараться.

Вот такими инструкциями пичкали меня целый день коллеги. И только Дмитрий Юрьевич как обычно ехидничал:

– Ну что ж, Лера, хорошее дело – покупка машины. Полезное. Мужу скажешь, что к любовнику поехала, любовнику – что к мужу, а сама – в библиотеку. И работать, работать. Да? Так когда сдашь вторую главу?

Но я выдала что-то туманное и выскочила из института. Чем ближе мы подъезжали к автосалону, тем сильнее билось мое сердце. Не выдержав, я позвонила туда, чтобы выяснить, не случилось ли чего с моей машинкой? Но меня успокоили, что все в порядке.

Расплатившись с водителем, я выскочила из «Волги» и побежала на площадку. Машинка стояла как ни в чем ни бывало и ласково улыбалась мне. Менеджеры, а в просторечье – продавцы, тоже улыбались и, любезничая, повели в контору. Там я внимательно просмотрела все предоставленные документы и полезла в сумку достать деньги.

Но в сумке их не оказалось. Все было на месте: рукопись, блокноты, тетради, органайзер, книги, косметичка. А вот почтовый конверт, в котором я хранила заветную пачку долларов, отсутствовал. Он должен был лежать на самом дне, прикрытый органайзером. Я трижды обшарила сумку. Потом вывернула все ее содержимое на стол, но конверт так и не обнаружился. Все есть, А ГДЕ ДЕНЬГИ?

Я считала себя женщиной стойкой, но это был исключительный случай. Свет в глазах померк, и я потеряла сознание...

...Погрустневшие менеджеры пытались отпаивать меня водой и вином, давали нюхать нашатырь и щупали пульс. Я же лежала в полнейшей прострации на кожаном диване в каком-то кабинете, куда меня занесли в бессознательном состоянии, и рассматривала устройство потолка с воткнутыми в него лампочками.

До меня иногда доносились обрывки разговоров:

– ...Евгений Петрович, может скорую вызвать? Не дай бог, у нее крышу снесло?..

– ... Подождем, сама оклемается...

– ... А на нас кидалово не повесят?..

– ... Ты бабуин безмозглый. При чем здесь мы? Ее до нас развели...

– ... Не, ну вдруг подстава?..

– ... Ты чо, офонарел? Подстава – это жмурик или дурь подброшенная, а не баба с копыт слетевшая...

– ... Эх, она ведь наверняка в ментовку заявку кинет, те нам сразу на хвост сядут. Так что, пацаны, все подчистить, все проверить, ясно?..

– ... Ясно, шеф...

Хлопнула дверь. Я перевела глаза в сторону и увидела сидящего рядом наголо бритого, дородного мужчину. Сломанный нос и приплюснутые уши выдавали спортивное прошлое. А может, это над ним поработали уличные косметологи во времена дворового детства? Как бы то ни было, сейчас он был владельцем здоровенной золотой цепи, вывешенной напоказ поверх черной водолазки, и с трехдневной щетиной на щеках, что совершенно ему не шло, принимая во внимание типаж. В довершение всего, от него разило смесью спортивного зала, отвратительного табака и парфюма, сделанного в Польше, но продающегося у нас как французский.

Тем не менее, я мило ему улыбнулась и заплакала. Он растерялся, пересел ко мне на диван и неловко стал гладить по плечу:

– Ну не надо, блин, плакать. Все ништяк. Ну лоханулась, с кем не бывает. Ты радуйся, тыкву не проломили. А бабки еще зарабатываешь.

При этих словах мне стало лишь хуже. Я вцепилась в его рукав и, размазывая по нему слезы и тушь, заголосила навзрыд.

– Ты давай-ка это... Может, домой звякнешь? Или еще кому?

Совет был совершенно к месту. Слезы высохли так же внезапно, как и начались. Я поняла, куда мне следует позвонить – достала из сумки телефон и вызвала нужный номер. Мужчина слегка напрягся при виде трубки, но более ничем своего внимания к предстоящему разговору не выдал. А я с радостью услышала знакомый, чуть хриловатый, баритон:

– Да, Валерия Михайловна, я вас слушаю.

– Здравствуйте, Миша, – зачастила я в трубку скороговоркой. – Извините, что беспокою, но мне нужна ваша помощь.

– А что это у вас с голосом? Простыли?

– Нет, – ответила я и вновь зарыдала. – Меня ограбили.

После секундного замешательства он спросил, где я.

– В автосалоне «Двадцать первый век».

– Знаю, сейчас приеду, – отозвался Михаил. – Ничего без меня не предпринимайте.

Я убрала телефон и спросила, где можно помыться. Мужчина провел меня в туалетную комнату и спросил, кому был звонок.

– Моему другу, – ответила я. – Сейчас он за мной заедет.

...Я ведь не могла сказать, что вообще-то Михаил Александрович Черкасов мне не друг, а клиент. Да и с чего я должна посвящать в свои дела посторонних? Поэтому я и причислила Мишу, больше известного в определенных кругах как «Циклоп», к своим друзьям.

При росте в два метра семь сантиметров, он весил сто шестьдесят килограммов и мог, думаю, с успехом стать рестлером. Причем вес у Михаила сосредотачивался не в области живота, как в частности, у некоторых членов моей семьи, а преимущественно в плечах.

Но как бороться с этим, я совершенно не представляю. Имеется в виду – с животом Верницкого. Скоро уже на пляж будет стыдно выходить. Отрастил себе к тридцати пяти годам пивное брюхо – и доволен.

А Циклопом Мишу прозвали из-за огромных размеров. Что меня очень радовало, поскольку являлось косвенным свидетельством повышения образованности криминальной части нашего общества. Знают все-таки, хотя бы азы мифологии.

Во внешности Михаила Черкасова стоит отметить классический римский профиль и ужасный шрам, тянущийся со лба через щеку и уходящий за ухо. Это сочетание придавало совершенно жестокое выражение его лицу, что приводило в замешательство большинство людей. И мало кто знал, что шрам этот он получил еще в юности, неудачно упав с велосипеда.

Года три назад я проводила тренинг в фирме, которой владела Мишина жена, Катя. Отношения в рекламном агентстве после моей работы заметно улучшились, повысились отдача, качество выдвигаемых идей, что сказало на прибыльной части. Так что деньги, выплаченные мне, перекрылись с лихвой. С тех пор с Катей я поддерживаю приятельские отношения. А где-

то через полгода мне позвонил сам Миша и попросил консультацию. В состоявшейся беседе я сразу же оценила целый букет проблем, который одолевал этого гиганта. Все свелось к тому, что у меня прибавился еще один постоянный клиент.

В течение этих лет он не раз изъявлял желание оказать мне ответную услугу, но все как-то нужда не возникала. И вот теперь наступил тот самый час «Х»...

...В холле офиса послышался какой-то шум, и я перевела взгляд в ту сторону. Там, за стеклянной перегородкой стало гораздо теснее с появлением Миши. И даже вроде как темнее. За его спиной маячили еще два шкафообразных молодчика, но выглядели они довольно бледно в сравнении со своим хозяином.

Евгений Петрович, втянув голову в шею, что-то на ходу доказывал визитеру, на что тот громко ответил, сурово хмуря брови:

– Вот я сейчас и спрошу ее сам.

– Бля буду, Циклоп, не мои это пацаны. Ну зачем мне гадить прямо на своей территории? Что я псих, что ли? – продолжал оправдываться директор салона, поспешно открывая дверь своего кабинета, где я сидела в кресле для посетителей.

Миша втиснулся на директорское место, провел рукой по влажным волосам. Судя по распаренному лицу и цивильной одежде, а не бандитской униформе, я сорвала его не с работы. Скорей всего из сауны. Хотя они в сауны ходят, как раз обсуждать свои дела, по крайней мере, я от него так слышала.

– Все, – махнул он директору рукой. – Вали отсюда. Дай спокойно побазарить, и лавку свою не закрывай пока. Понял?

Когда дверь закрылась, он поднял на меня улыбающиеся глаза и произнес:

– Вечер добрый, Валерия Михайловна. Все будет хорошо, заверяю вас. Рассказывайте, что стряслось?

Я глубоко вздохнула, выпуская из груди последние всхлипы, собралась, как перед лекцией и поведала о своей беде. Он стал задавать мне всякие вопросы, а потом подытожил:

– Ясно, в вашей богадельне тоже все как у людей. Сколько всего у вас человек?

– Около тысячи студентов, ну и преподавателей, если вместе с обслуживающим персоналом, примерно двести, – попыталась я припомнить.

– Многовато. Так! Валерия Михайловна, вы черкните списочек, на кого косите и мои бойцы живо из них деньги вытряхнут, еще и в тройном размере. Глядишь и на «бомбу» насобираем. Обещаю, в два дня все утрясем.

Но я как представила последствия таких «разборок», аж вся затряслась и испуганно замотала головой:

– Нет! Нет! Миша, прошу вас, ничего такого не надо. Надо как-то решить все по-тихому. Ну, я не знаю, разве нет других способов?

Великан вздохнул и стал объяснять, словно ребенку:

– У вас есть три пути. Первый: пойти к ментам. Сами понимаете – это закончится ничем. Второй, что вы и сделали: обратиться ко мне. Я же говорю – ваша проблема будет решена в два дня!

– Но какими методами? – воскликнула я.

– Нормальными, проверенными, – удивился моей непонятливости Михаил и продолжил: – И есть третий путь. Самой найти вора...

У меня аж рот от удивления открылся – самой? искать? вора?

А Миша тоже вдруг изумленно раскрыл глаза, прислушиваясь к чему-то внутри себя, и победно воскликнул:

– А ведь это идея, Валерия Михайловна! Вы сами найдете вора! Вы ведь психолог! Вон как меня раскрутили! А уж меня на допросах разные следаки кололи, но я всегда был в отказе. Точно, вы же со всякими своими штучками так можете подъехать, что человек раз – и пробол-

тался. А я вам помогу следующим образом. О том, что у вас украли деньги, знаете только вы и тот козел, который это сделал. Поэтому вы сейчас покупаете свою тачку и спокойно едете домой. Мы вас проводим. А дома вы подготовитесь и начнете с вашими психическими подходами вычислять гниду. В институте своем никому не говорите о том, что произошло, пусть все останутся не при делах. А как узнаете, кто это сделал, я тут же с него деньги стрясу втихую, и даже закапывать не буду. Так все и пройдет шито-крыто. И вам хорошо, и мне приятно.

Тут он широко улыбнулся. Видно было, что он искренне радуется случаю помочь мне.

А я сидела, совершенно ошарашенная неожиданным предложением. Что я, миссис Марпл, что ли? Но потом вдруг подумала, а чем я хуже этой придуманной сельской старушки? Ведь не боги горшки обжигают. Вон с нашего курса две девчонки пошли в следственные органы работать. И ничего – справляются. Хотя мозгами не блистали.

Только очень уж не хотелось быть обязанной Мише, но все мои робкие попытки он отмел сразу и в столь категоричной форме, что разумнее и безопаснее стало согласиться.

Он вызвал директора в кабинет и не допускающим возражения тоном заявил:

– Значит так, в полчаса оформить все бумаги. Чтобы со страховкой и номерами. Полный бак чтобы, музыка там. А мы пока в кафе прогуляемся. Вернемся – и сразу едем. Сколько монет оставить надо?

– На семь тысяч насчитано, – осторожно выдал из себя Евгений Петрович.

– А лет сколько аппарату? – решил уточнить гигант и, узнав, что еще и шести лет не прошло с момента выпуска, вспыхнул. – За пятилетнюю Пезуху семь штук берешь? Ладно, шести хватит. Будем считать, что это праздничная скидка.

Он сделал знак, и сопровождающий его парень вошел в кабинет, вытащил солидную пачку прямо из бокового кармана пиджака и отсчитал требуемую сумму. Я оставила свои паспорт и водительское удостоверение и как сомнамбула, пошла с Мишей под руку.

Перед автосалоном стояли два огромных черных джипа, постоянно напоминавших мне своими угловатыми очертаниями наши военные «Уазики». Но своими сравнениями я благодарно ни с кем не делилась. Миша меня уже подвозил иногда, поэтому я по-своейски подошла к первому «Мерседесу» и с удовольствием устроилась на пассажирском месте. Кафе оказалось поблизости, и через пару минут мы были на месте.

Уютный полумрак отгородил нас от уличной суеты и успокаивающе подействовал на мою нервную систему. Сидя за столиком и пригубив первые глотки превосходно сваренного кофе, я вновь стала возвращаться к жизни и трезво размышлять.

– А откуда вы знаете директора салона? – полюбопытствовала я.

– Это наши подопечные. А Леха, владелец салона, так он мне по жизни должен, – туманно объяснил Михаил.

– Ну ладно, за то чтобы все быстро рассосалось, – произнес оптимистичный тост мой собеседник и одним махом выпил здоровенный бокал пива.

Я деловито моргнула, одобряя такой подход, и заказала еще одну чашку кофе.

– Эх, я бы сам с удовольствием рядом с вами походил, – мотнул головой Михаил. – Да боюсь, испорчу, что называется, чистоту эксперимента. Я тут еще вот что вспомнил. У одного моего помощника дочка учится в вашем институте. Девчонка ушлая, немного стервозная, но умеет за себя постоять. Так я с ней поговорю, чтобы она за вами приглядывала.

Я твердо отказалась, сославшись на определенные неудобства, могущие возникнуть при подобных обстоятельствах.

– Да я и спрашивать не буду разрешения. И не беспокойтесь, подробностей лишних она не узнает, – гнул свое Михаил, – просто лишний глаз не помеха.

– А кто хоть? Мне ж надо знать, – сдалась я.

– А вот это лишнее. Понадобится – она сама откроется.

Мы еще немного посидели под расслабляющую музыку Элтона Джона. Я допила свой кофе, а Миша – второй бокал пива. После этого он легко поднялся из-за стола:

– Пора ехать, принимать заказ.

... Перед зданием автосалона нас подждал Евгений Петрович с двумя продавцами. Но я смотрела не на них, а на мою машинку: двухдверную, самого, что ни на есть красного цвета, с раскосенькими глазками.

– Вот все документы, – подскочил ко мне менеджер Иван. – Давайте вы сядете, а я покажу вам управление.

– Да-да, – рассеянно пробормотала я, ощущая себя Золушкой, случайно попавшей на праздник жизни.

В салоне так вкусно пахло чистой, нагретой солнцем кожей. А в голове моей сразу родилось имя для моей машинки – ласточка. Я попробовала его произнести несколько раз и окончательно утвердилась в правильности выбора. Ласточка!

Я честно пыталась вслушиваться в то, что говорил мне Иван, а сама гладила мягкую оплетку руля и думала: «Неужели сбылась моя мечта? Вот я сейчас, возьму и поеду?»

Ужас, во всем теле разлилась слабость, я обмякла и расплылась по сиденью.

– Ой, ей опять плохо, – выскочил из машины Иван.

Здоровенный клок ваты, облитой нашатырем, живо привел меня в чувство. Устыдившись собственной слабости, я отказалась от помощи и твердо решила остаться за рулем.

Это ничего, что я последний раз водила машину пять лет назад. Кое-что все-таки в памяти сохранилось. После третьей попытки я завела двигатель и попробовала тронуться с места. Ласточка взревела, но не тронулась с места.

– Передачу включите, – последовал совет.

Я послушалась его и повторила попытку. Машина дернулась и заглохла.

– И с ручника неплохо снять, – успокаивающе сказал Иван.

Я глубоко вздохнула и выполнила и это указание. В четвертый раз завела машину, выжала сцепление и со страшным скрежетом воткнула передачу. Нажала на газ и машина вдруг дернулась назад, чуть не врезавшись в урну с мусором, хорошо двигатель опять заглох.

– Это вы заднюю передачу включили, – спокойно прокомментировал незадачу Иван.

Тут вылез из джипа Миша и, чуть вразвалку (он всегда так ходил) подошел ко мне:

– Вы когда последний раз сидели за рулем?

– Давно, – честно призналась я.

– Может, кто из моих ребят сядет? – предложил он.

– Нет! – я так отчаянно замотала головой, что он усмехнулся, но отступил.

В конце концов, я сумела тронуться с места и поехала. Ох, как это оказалось быстро! Все было как в тумане. Машины мчались навстречу, как сумасшедшие. Всюду какие-то огни, знаки запрещающие, светофоры оказались понатыканы в огромном количестве. И зачем их столько? Двигатель ревел, но включать третью передачу я боялась – и так скорость была очень приличной.

А сзади меня почти вплотную ехали два джипа, причем не цепочкой, а в ряд.

Я вся вспотела, спина, руки и даже ступни стали мокрыми, как после душа, но упрямо держалась за руль. Несколько раз, во время остановок перед светофором, машинка глохла; раза два я чуть не врезалась в каких-то придурков, почему-то не уступивших мне дорогу. Но все когда-то кончается. Наконец я сумела подъехать к дому.

Припарковать ласточку у меня уже не было сил, это вместо меня сделал один из людей Миши. А сам он стоял рядом со мной и мягко выговаривал:

– Это я могу, Валерия Михайловна, поворачивать влево из правого ряда, и ехать под «кирпич» и никому не уступать дорогу. Но! Я это делаю не всегда. А когда очень-очень тороплюсь.

– А чем я хуже вас? – парировала я.

Миша растерялся было, но продолжил:

– А на скорости в тридцать километров со второстепенной пересекать главную дорогу?! А на той же скорости занимать только левую полосу?! А кто половину светофоров не заметил? Хорошо, мы прикрывали! Ну, Валерия Михайловна, вы даете! Как вы будете ездить?

Я уже хотела было пройтись по поводу мужского шовинизма, но вспомнила, чем обязана Михаилу и смиренно пообещала, что больше не буду. В смысле ездить буду, а нарушать правила не буду.

И тут перед нами, откуда ни возьмись, появилась экзальтированная дамочка, возвращавшаяся домой со своим бульдогом. Я сразу поняла – сейчас произойдет очередная катастрофа. Но отменить сие было уже не в моих силах. Она же, не обращая ни малейшего внимания на моего спутника, подскочила ко мне и оживленно затараторила:

– Ой, как хорошо, что я вас встретила, милочка. Лечение уже почти закончено. Так что вы мне должны три с половиной тысячи рублей. Сюда входят и уколы и перевязки. Было бы замечательно, если бы вы, скажем, завтра смогли мне их отдать. И мы, как говорится, разойдемся миром.

– Это кто? – захрипел ошарашенный гигант.

Я неохотно пояснила. Черкасов, обычно рядом со мной становившийся более цивилизованным, вспомнил свою криминальную сущность, и побагровев, зарычал:

– Ты чо, блин, поганка? В чужой базар влезаешь. За свою сямку бабло требуешь. Тебя что, в асфальт закатать?

Он ловко наклонился к Фордику и, молниеносно ухватив его за шкуру, затряс перед лицом дамочки:

– Мне сейчас ему башку отвернуть? А? Ну-ка, быстро скажи, что пошутила, иначе...

В его ручищах скулящий бульдог смотрелся щенком-заморышем. Черкасов сделал угрожающее движение, будто и вправду собрался свернуть голову Фордику. Даже я на мгновение поверила.

– Нет! – закричала дамочка и, сникнув, добавила. – Не надо. Я пошутила! Я не хотела, это муж велел столько назвать.

– Ну, то-то, – подытожил переговоры остывший Миша. – Исчезни! Не смущай меня.

Он небрежно, словно старую перчатку, закинул хрипящего Фордика в кусты и отвернулся от дамочки. Затем лукаво подмигнул мне. Стало ясно, что роль моего ангела-хранителя ему очень понравилась. Я встала на цыпочки, но не дотянулась и велела ему поклониться. Он не понял зачем, однако послушно нагнулся. Тогда я поцеловала его в щеку и сказала огромное спасибо. Это, конечно, было нарушением этики взаимоотношений психотерапевта и клиента, а то, что я пошла на это сознательно, а не под воздействием импульса, отягощало мой поступок. Ну и ладно. Авось, за это у меня не отберут диплом.

– Да что уж, – подобревшим голосом отозвался Миша. – Ехать нам пора. Так что, Валерия Михайловна, держите меня в курсе. Чуть что – звоните.

Я простилась с Черкасовым и его телохранителями, взглянула последний раз на ласточку и пошла домой. Только праздника дома не получилось. Домашние хоть и вышли на улицу, чтобы взглянуть на приобретение, и посидели внутри, но все равно остались колючими, словно ежи. Верницкий так и не смог для себя решить, радоваться ему за меня или обижаться. Натка тоже ушла в оппозицию по одной ей известным причинам. Кэри лениво потерлась о мои ноги и ретировалась в спальню смотреть свои кошачьи сны. А у меня после сегодняшних событий не было сил выяснять отношения.

Полночи я просидела на кухне в компании «Хванчкары» и сыра «Рошфор», прокручивая события сегодняшнего дня. Ощущение было такое, словно все это происходило не со мной. Но под окнами стояла ласточка и я время от времени выглядывала на улицу и включала сиг-

нализацию. Машинка начинала жалобно кричать и моргать раскосенькими глазками. Где-то в пол-второго ночи я опомнилась и пошла спать...

... Накануне я прикинула, что до работы сумею добраться на ласточке, учитывая мои навыки вождения, часа за полтора. С этим расчетом я и поднялась. Сергей и Натка уже ушли: первый на работу, вторая в школу.

День начался превосходно. В ярко-синем небе всюю сияло солнце, первая трава приятно начинала зеленить газоны. Я выглянула в окно – и ласточка тут же зазывно послала мне солнечного зайчика лобовым стеклом. После завтрака, неспешно собравшись, я вышла на улицу и с заправским видом села в машину, как будто только это и делала последние годы. Двигатель завелся сразу, поскольку я правильно выполнила все манипуляции. Собравшись с духом, я потихоньку выкатила со двора. Вот только сегодня за моей спиной не маячили два черных джипа. Я была одна-одинешенька.

Что ж, утопающий – спаси себя сам. Я глубоко вздохнула и выехала на трассу. И начался кошмар. Боже, как я ошиблась с расчетом времени! Следить одновременно за дорогой, знаками и другими машинами было совершенно невозможно. А если я пыталась ехать в потоке, то он меня заносил вообще невзвесть куда. В конце концов, я остановилась на Васильевском острове, куда никоим образом не собиралась. И то, потому что меня тормознул гаишник.

Он проверил мои документы, а узнав, что я второй день за рулем, уважительно почесал висок и долго объяснял, как мне доехать до Московского шоссе. Затем остановил поток и позволил мне развернуться к мосту лейтенанта Шмидта.

Зато я взяла этот прием на вооружение. Как только появлялись сомнения в правильности маршрута, нужно было просто отыскать очередного гаишника и спросить дорогу. И где-то через три часа таких мытарств впереди завиднелись корпуса альма-матер.

Людка Вереева тут же отчихвостила меня за опоздание, но поскольку я ещё с дороги отзвонилась и сослалась на пробки, то долго ругаться не стала, а пошла смотреть на мое приобретение. Вслед за нами увязалась вся кафедра. Едва завидя наше скопление, тут же высыпали еще знакомые преподаватели, так что получилась небольшая манифестация. Все меня поздравляли, и занимали условные места, предполагая, что теперь от метро их будут подвозить на общественных началах. Я пообещала проставить всем кофе с пирожными, и мы отправились в институтское кафе.

Отчитав оставшуюся пару на сегодняшний день, я уселась в ласточку и, с содроганием представив себе обратную дорогу, завела двигатель. На Васькин остров я уже не заезжала, поэтому обратный путь у меня занял всего два с половиной часа.

Дома еще никого не было, и я решила заняться изысканиями.

ГЛАВА 3

К такому серьёзному делу следовало приступать разумно и основательно. Поэтому я приготовила несколько листов бумаги и цветные карандаши. На левом краю стола расположилась коробка шоколадных конфет с ликером, для полноты картины к ней присоединилась недопитая вчера бутылка «Хванчкары». Само собой, разумеется, нашлось место и для хрустального фужера и для тарелки с бутербродами. Получился неплохой натюрморт. Фу! Какое мерзкое словосочетание – мертвая природа! Больше не буду его произносить.

Я поменяла стул на кресло и, налив в бокал рубиновый напиток, сделала изрядный глоток, чтобы воспламенить разум для интеллектуальных изысканий. Затем забралась в кресло с ногами, взлохматила себе волосы для придания творческого вида и, добившись тем самым отдаленного сходства с Альбертом Эйнштейном, стала восстанавливать в памяти события того злополучного дня.

Итак, когда Оксана передавала мне деньги, все было в порядке. После этого я пошла в аудиторию. Там моя сумка лежала на столе, и теоретически можно было оттуда изъять деньги, пока я чертила на доске схемы, но тогда следует признать, что в этом участвовал весь курс. А это абсурд.

В перерыве я пошла на кафедру и просидела там почти все время, попивая кофе с девчонками. В дверь иногда просовывали головы настырные студенты, но мы их гнали прочь. Потом все потихоньку стали расходиться по аудиториям, а я заглянула на минутку в кабинет к Людке. А, вернувшись, застала на кафедре одну Алену, сидевшую за своим столом. Я подхватила сумку и помчалась на вторую пару.

Надо бы спросить у Алены, не заходил ли кто посторонний. СТОП! Поверить не могу. Но ведь она сама была какое-то время одна? Значит, теоретически могла порыться в моей сумке? Мы же дружим уже лет пять! Алена, от которой у меня никогда не было секретов? Ужас какой!

Алена – воровка? Я попыталась представить, как она, оставшись одна, тянется к моей сумке и вытаскивает конверт с деньгами! Миниатюрная блондинка, любившая зачесывать волосы назад, чтобы оставлять открытыми свои маленькие ушки. В чьих глазах постоянно плескалась истома, провоцирующая на заигрывания большинство мужчин. Хотя впечатление легкомысленности было обманчивым. На самом деле она являлась очень дельным психологом и хорошим преподавателем. Если это она, то все мое доверие к людям рухнет в тартарары. Неужели она хладнокровно украла мои деньги? Лично я бы от разрыва сердца умерла, если бы пошла что-нибудь красть...

Ладно, эмоции в сторону. Если я всерьез намерена этим заниматься, то зачислять в подопреваемые буду, руководствуясь не симпатиями, а рассудком. Я взяла карандаш и на листе появилась первая запись.

...На второй паре курс был другой, но ситуация та же. Из сумки, лежащей на виду у всех, трудно вытащить деньги. Поехали дальше.

На следующем перерыве меня вызвала Спирохета. Так и студенты, и преподаватели помоложе, за глаза называли ректора нашего института Светлану Аркадьевну Жеребцову. За ее вечно унылый, изможденный вид – словно только сегодня она поднялась с больничной койки после продолжительной болезни. За ее узкое, лисье личико, обрамленное прядями бесцветных волос. Хотя будь моя воля, я бы дала ей прозвище, как у Маргарет Тэтчер – Железная леди, поскольку институтом она управляла очень даже жестко.

Итак, я спустилась на второй этаж и зашла в приемную. Юлька, секретарь Светланы Аркадьевны, приветливо поздоровалась со мной и пригласила в кабинет. Спирохета, как выяснилось, решила послать меня во внеочередную командировку в наш екатеринбургский филиал и вызвала, чтобы поставить в известность. Тут из коридора послышались громкие крики. Судя

по голосам, произошло что-то серьезное. Мы с Жеребцовой выскочили на шум и увидели сборище студентов. Как выяснилось, это одной из первокурсниц внезапно стало плохо, и она упала, ударившись головой об пол. Какое-то время мы организовывали помощь, затем вернулись в ректорский кабинет.

Оттуда как раз вышел Жора Кеосаян, фаворит Жеребцовой. Что фаворит – это было совершенно ясно. Мы же психологи! Да, да! На дворе двадцать первый век, а у нас, в отдельно взятом институте, все еще феодализм и фаворитизм.

Он, как заводной, постоянно бегал по институту, с озабоченным видом. Уж какие он дела при этом решал, мне было неизвестно, да и знать не хотелось. А поскольку считал он себя совершенно неотразимым, то одновременно с беготней старался оказывать знаки внимания всем дамам, находившимся в поле его зрения.

Я никак не могла понять, как необразованный парень двадцати пяти лет от роду, типичный представитель торгового племени и горожанин в первом поколении устроился личным водителем ректора петербургского института. Но, исходя из принципов фаворитизма, не удивилась бы, узнав, о назначении Кеосаяна в ближайшем будущем преподавателем. Кроме того, меня слегка передергивало от его невероятной волосатости. Казалось, что ему не надо бриться только вокруг глаз. Тем не менее, многим моим знакомым он нравился.

Завидя нас, он радостно осклабился.

– А я к вам забежал, да? Светлана Аркадьевна, мне деньги, понимаешь, нужны. А в бухгалтерии не дают.

– Хорошо, Жора, я позвоню сейчас, – ласково сказала Жеребцова и пошла в кабинет. Я двинулась было следом, но этот юный самец удержал меня за руку и игриво ущипнул. Хамить, или устраивать скандал лишний раз не хотелось, и я попыталась отшутиться:

– Вам, Жорик, известно что вчера Государственная Дума приняла долгожданный закон о сексуальном домогательстве на работе? За то, что вы меня ущипнули – легко можете получить два года! Так как: мне в суд подать, или вы отпустите мою руку?

Он недоуменно поморгал своими длиннющими ресницами, пытаясь переварить информацию, а затем, обиженно хмыкнув, отстал от меня и переключился на Юлю. Я же гордо подняв голову, прошествовала к Жеребцовой.

Закончив обсуждение занятий, предстоявших в Екатеринбурге, я покинула ректорат, забыв сумку, и пошла вести семинар у своей группы. СТОП! Сумка лежала на столе в кабинете у Светы Спирохеты. Юля могла зайти? Могла. Да она в обморок упадет при одной мысли о краже. Но ведь она оставалась одна в своем предбаннике? Оставалась. Ладно, пусть мое подозрение падет и на нее.

Я с удовольствием сделала глоток вина, закусила сырным ломтиком и пустилась в дальнейшие размышления.

А как долго находился реактивный Кеосаян в кабинете Жеребцовой? Он знал о том, что я сегодня покупаю машину? Наверняка знал. И завидя мою любимую сумку, невероятно красного цвета, единственную на весь институт, вполне мог в ней пошариться. Уж этот точно мог. Недаром он у меня всегда вызывал интуитивное подозрение.

А сама Спирохеточка? Ведь тоже была наедине с моей сумкой! А может, вообще это все было подстроено ею? То, что Жора меня задержал? Нет, это уже патологический бред. Тем не менее, внесем в кондуит и собственную начальницу.

Да, список растет. Кошмар какой-то. А ведь я еще в конце рабочего дня умудрилась в бухгалтерии сумку забыть. Я туда зашла передать бумаги, да заболталась с Тамарой Семеновной о предстоящем дачном сезоне, о посадках и удобрениях. Так и забыла о сумке, лишь на улице вспомнила и опрометью кинулась обратно. А уже на лестнице чуть не столкнулась с Бобром.

Это прозвище институтского завхоза Игоря Леонидовича Боброва. Он удивительным образом походил на зверька давшего ему фамилию. Коренастый, толстый, с большой плешивой головой, постоянно задранной кверху, он ходил по институту, переваливаясь с ноги на ногу – ну точь в точь бобер, только сзади не хватало большого плоского хвоста.

– Вот, Лерочка, вы сумку забыли. А я иду себе спокойно, как вдруг Тамара выскакивает и просит меня догнать вас. Да куда мне, пожилому человеку за вами угнаться. Думал, может, на вахте оставлю.

Тогда я его поблагодарила и спокойно покинула институт. А вот сегодня у меня появились вопросы. Почему Тамара Семеновна не оставила мою сумку у себя? Почему она не послала с ней какого-нибудь студента, а выбрала именно Боброва. Глупость какая-то. Неужели на этаже не было ни одного хоть самого заваливающего студентика? Да и сам Игорь Леонидович с каких это пор в рассыльные заделался? Так уж услужить мне хотел?

Очень бы хотелось задать эти вопросы прямо в лоб. Но, увы, сие невозможно. Я не милиционер и сослаться на интересы следствия, как это делают в фильмах, не могу. А, кроме того, расследование следует производить в тайне. О, как!

Итак, подводим итоги, круг подозреваемых оформился. Я подумала, подумала и расположила их по степени подозрительности. Список стал выглядеть следующим образом:

1. Жора Кеосаян – водитель ректора
2. Светлана Аркадьевна Жеребцова – ректор института
3. Игорь Леонидович Бобров – завхоз института
4. Юлька Лютикова – секретарь ректора
5. Тамара Семёновна – бухгалтер
6. Алена Скороходова – коллега и подруга

Вот так. Шесть человек, много это или мало? Посмотрим.

Я подлила еще немного вина в бокал и откинулась в кресле. Черкасов предложил протестировать их всех. А что? Интереснейшая мысль. Конечно, нужно подойти ко всем индивидуально. Будем считать, что это творческое задание для меня. Только на кону стоит не просто желание воскликнуть: «Ай да я! Ай да молодец!», а возврат семи тысяч долларов. Сегодня пятница и в институт я поеду только в понедельник. Так что время еще есть.

Я достала из секретера папки с материалами и стала готовиться к этим столь важным для меня встречам. Итак, на первом этапе следует отсеять агнцев от козлов.

...Когда вернулась от подруги дочка, мне пришлось оторваться от своих наполеоновских планов и посвятить вечер установлению в семье мира и спокойствия. Ибо сказано в одном военном трактате: тот воин побеждает, у кого в тылу все спокойно. Это я сама придумала. Правда, здорово?

А уже когда в девятом часу домой заявился ненаглядный, слегка навеселе, зато с большим тортом и букетом роз – начался один из маленьких домашних праздников, когда все друг друга любят и стараются предугадать малейшие желания. На высочайшей ноте идиллических семейных отношений мы разошлись в первом часу ночи. Сережка и Натка – спать, а я – мыть посуду...

...Езда в автомобиле предполагает получение удовольствия. Но я пока никак не могла этого ощутить. Только природное упрямство заставляло меня не бросить руль и не разрыдаться от собственного бессилия, а километр за километром постигать искусство вождения. В конце концов, я уже многого достигла – почти выучила дорогу к институту.

И каждый раз, завидев два унылых, выкрашенных в серый цвет, четырехэтажных корпуса, на которых гордо красовалась золоченая табличка «институт прикладной психологии», я испытывала дикую радость – вот ведь, опять добралась!

Именно так и прошли у меня суббота и воскресенье – я привыкала к ласточке и к дороге. В общей сложности удалось прокатиться взад-вперед четыре раза, при этом был установлен

маленький рекорд – всего лишь два часа и пять минут затратила на езду в один конец. Правда, на перекладных до института все еще можно побыстрее добраться.

– А на бензин сколько ушло денег? – осуждающе погрозил пальцем Верницкий, когда я решила похвастаться результатами.

Но я только отмахнулась от него. Что толку разговаривать с человеком, который не может понять, что такое скорость?

Так что к началу рабочей недели я ощущала себя за рулем гораздо увереннее. А, кроме того, в моей голове за выходные окончательно созрел план боевых действий.

В понедельник у меня в графике стояли две лекции первой и третьей парами, что обеспечивало полтора часа с лишком, для занятий личными делами...

...Как тигр, ищущий добычу, я рыскала по институту в поисках Бобра. И, наконец, нашла его в подвале соседнего корпуса, где он беседовал на повышенных тонах с каким-то высоким широкоплечим незнакомцем. Неизвестный, по своему типу, напомнил мне слащавых любовников из фильмов шестидесятых годов. Фу, терпеть не могу таких мужиков. Тем не менее, я подошла и, вежливо извинившись, спросила:

– Игорь Леонидович, когда вы вернетесь в наш корпус, вас нельзя попросить заглянуть к нам на кафедру?

– А что случилось? – довольно недружелюбно отреагировал он на мое обращение.

– Ничего не случилось, просто вы своим посещением окажете мне большую услугу. И я буду вам очень признательна за это. Это для моей диссертации.

– А-а-а! – протянул Бобер. – Ну ладно приду. Вот сейчас закончу и приду.

Вообще для завхоза все, чем мы занимались в институте, было темным лесом. Он в это не вникал. Главное, по его мнению – это чтобы хозяйство было исправным. Всякие трубы, столы, двери. Единственное, к чему он относился с вниманием – была диссертация. К этому термину он испытывал глубочайшее почтение, непонятно впрочем, на чем базирующееся.

Я вернулась в свой корпус, выяснила какая из аудиторий пустая и перенесла туда чайник с чашками и купленное заранее печенье. А потом вышла в коридор и стала дожидаться Бобра. Едва он появился на нашем этаже, как я его затащила в аудиторию и, первым делом угостила чаем. Он, все это знали, любил почаевничать, чем я и воспользовалась, чтобы добиться его расположения.

Конечно, если деньги украл он, то должен бы насторожиться! Но с другой стороны, он ведь не знает, что я его подозреваю. Поэтому должен быть естественным. Хотя это я думаю, что он должен быть естественным. А вдруг он от меня только и ждет каверзу?

Однако ничего страшного не случилось. Бобер уселся за преподавательский стол, перевернув стул спинкой вперед, и принял из моих рук чашку. Он стал пить чай, шумно прихлебывая, и при этом сосредоточенно обгрызая печенье по краям, словно ребенок.

– Ну, так какое дело-то? – спросил он, когда выдул половину чашки.

– Понимаете, Игорь Леонидович, я пишу диссертацию, в которой затрагиваются особенности разных возрастных и социальных категорий при составлении тестов. Так вот у меня не хватает материала, а сегодня надо сдавать главу. Поэтому не могли бы вы помочь мне в проведении еще одного теста?

Ух, и завралась же я, чуть сама не запуталась.

– Делать-то чего? – прервал мои разглагольствования завхоз.

– Я буду диктовать вам слова, а вы мне в ответ тоже будете называть слова, любые, которые вам придут на ум, главное – это отвечать, быстро, не задумываясь.

– И долго? – подозрительно прищурился Бобер.

– Нет, минут десять, пятнадцать, – успокоила я его.

– Ну ладно, говори свои слова, – разрешил, подобревший после чая, подозреваемый.

Я включила заранее приготовленный диктофон и, взяв в руки листок со словами, начала размеренно читать:

Самолет... дверь... лес... любовь... война... стул... облако... улыбка... институт... конверт... рука... доска... лопата... земля... волк... кирпич... плакат... цветок... деньги... одеяло... водка... ребенок... доллар... кошка... наркотик... скрипка... дорога... сумка... солнце... тряпка... день... машина... пистолет...

Я еще долго диктовала, а Бобер послушно отвечал, иногда только прерывая размеренный ритм вопросами, по типу: чего, чего?

Но вот поток припасенных мною слов иссяк, и я выключила диктофон:

– Все. Спасибо, Игорь Леонидович.

– И что вы будете делать теперь с этими словами? – поинтересовался он.

Я не видела причин лукавить, поэтому искренне объяснила:

– Ну, дома я стану смотреть, где вы отвечали неадекватно, отыскивать всякого рода нестыковки. Разложу их и посмотрю, что у вас вызывало наибольшие опасения. А на основе этого сделаю далеко идущие выводы.

– Это как это? – нахмурился завхоз.

– Вот смотрите, к примеру, – решила я пояснить. – Я произнесла «кирпич». По логике вы должны ответить или «стена», или «дом», или «глина». В общем, что-либо родственное, сопутствующее. А вы вместо этого выдали слово «машина», значит у вас последние по времени ассоциации связаны не с собственно строительством, а с транспортировкой. Верно?

– Ну, – совсем набычился тестируемый.

– Дальше по тесту, вы должны ответить на слово «машина»: или «шофер», или «дорога», или «кирпич». Так? А вы, вместо этого, насколько я помню, сказали: «опасность». Значит сочетание слов «кирпич» – «машина» представляет для вас некоторую проблему. Вот такие зоны я и хочу вычленивать, после обработки записи.

– Эй, мне что-то разонравилось все это, – стал подниматься Бобер. – Отдайте-ка мне эту запись. На хрена я только согласился?

Он совершенно изменился. Глаза вдруг превратились в злые, колючие точки, челюсть выдвинулась вперед, а ноздри раздвинулись так широко, что нос напомнил африканские маски. Я спрятала диктофон за спину и испуганно вскрикнула:

– Нет!

Тогда Бобер удивительно быстро ринулся ко мне. Я даже не успела дернуться, как он уже схватил меня за руку. В панике я приготовилась закричать, но тут дверь аудитории раскрылась, и в нее ворвались три моих студентки:

– Ой, мы вам не помешали? Валерия Михайловна, а мы вам хотели свои рефераты показать. Можно?

Бобер тихо выругался и прошептал:

– Отдайте кассету.

– Нет, – гордо ответила я и выдернула руку. – Большое спасибо, Игорь Леонидович, но дальше я справлюсь сама.

– Ох, смотри не пожалей девонька, – вдруг зашипел по-змеиному завхоз.

Но я гордо хмыкнула и, демонстративно не обращая на него внимания, стала собирать чашки. Студентки помогли мне перебазироваться на кафедру и уже там сдали рефераты.

Так Бобер и остался с носом. Больше он мне на глаза не попадался, видимо опять занимался всякими своими хозяйственными делами: лазал по подвалам, да чердакам, и смотрел, где что сломалось.

...На обеде в столовой я совершенно случайно (вернее, почти случайно) оказалась за одним столом с Тамарой Семеновной, главным бухгалтером нашего заведения. Надо сказать, что из всех подозреваемых, она была наименее похожа на преступницу. Умудренная жизнью

женщина, с годами располневшая, но все еще оставшаяся привлекательной, даже седина ей удивительно шла. К тому же она необыкновенно любила общаться. Все это, плюс удивительно добрые глаза, необычайно располагали к себе. И потому мне совершенно не хотелось проверять ее. Кое-как я приступила к выполнению задания. Скрепя сердце, честное слово.

В конце обеда я упростила Тамару Семеновну принять участие в апробации нового теста, сославшись примерно на те же причины, что и для Бобра.

Она с воодушевлением согласилась, вызвав у меня очередной приступ угрызений совести. Мы перешли к ней в кабинет, и я стала объяснять суть происходящего.

На форматных листах бумаги, извлеченных из сумки, красовались черно-белые изображения совершенно отвратных физиономий. Я разложила их перед Тамарой Семеновной по нескольким стопкам и предложила выбрать из каждой стопки наиболее симпатичные ей лица.

Она аж отшатнулась от стола, когда рассмотрела первые снимки.

– Ну, сударыня, и подборочка у вас. Мне здесь никто не нравится, – усмехнулась бухгалтер. – Я не хочу выбирать из этого.

– Ну, пожалуйста, – стала я ее упрашивать. – Мне это очень надо.

– Только ради вас, – согласилась Тамара Семеновна и тяжело задумалась, разглядывая фотографии.

Она очень долго выбирала, чему-то усмехалась, сравнивала их друг с другом но, наконец, выполнила задание. Теперь мне дома останется только проанализировать результат.

– Спасибо, – воскликнула я. – Вы мне необычайно помогли!

– Да, полноте, – засмушалась она. – Приходите еще, если надо, только лучше после работы. Хорошо?

Поскольку на сегодня занятия были исчерпаны, я решила немного покататься по городу. Должна же я, в конце концов, получить удовольствие от езды на ласточке?

Погода была превосходная. И я решила поехать ни много, ни мало, к Летнему саду, в надежде, что его еще не закрыли на просушку. Сказано – сделано. Я, не спеша, потихоньку, рулила себе и рулила. Так и добралась до центра. И почти не создавала аварийных ситуаций, ну раз, или два, не больше. Что можно справедливо счесть значительным достижением.

Легко припарковалась у Марсова поля (там просто не было машин) и пошла гулять. Как я давно этого не делала! Деревья уже очнулись от спячки и протягивали свои промёрзшие за зиму ветви-руки к небу. Я вышла к Лебяжьей канавке и с удовольствием вдохнула в себя запах влажной, согретой солнцем земли, прелых прошлогодних листьев и талого снега. Если вы думаете, что снег не пахнет, то глубоко ошибаетесь. Этот запах трудно уловить, но он есть – я это твердо знаю.

Деревья сохраняли вокруг себя тишину, отгородив меня от гула городских улиц. Мне хотелось покормить припасенной булочкой лебедей. Но их еще не перевезли из зоопарка, и тогда я покрошила угощение стайке синичек, слетевшихся ко мне с ближайших кустов.

Прогулка по аллеям сада возродила меня к жизни. А когда сидела в открытом кафе у Летнего дворца Петра Первого, то со мной даже пытались познакомиться. Но я стойко преодолела искушение и осталась в гордом одиночестве.

Незаметно приблизился вечер, стало зябко – настало время ехать домой. Настроение за два часа прогулки, поднялось до небес, и я даже решила, что попробую ехать со скоростью где-нибудь шестьдесят километров.

Ласточка, словно проникшись весенним настроением, легко вывернула на набережную, прошла по-над мостами и, вывернув к Литейному мосту, унесла меня на Выборгскую сторону.

Я включила магнитофон и поставила кассету Тимура Шаова. А потом стала подпевать ему о том, что следует делать для поднятия жизненного тонуса:

– Вам надо ежедневно сто сорок раз подряд пропеть о том, что все отменно, все просто обфигенно, все ништяк!

Но жизнь никогда не движется по прямой. Когда я выехала на Гражданский проспект, машины, идущие впереди меня, стали резко тормозить. Тогда и я посильней надавила на педаль тормоза.

Однако раздался щелчок, педаль провалилась до пола, а время вокруг меня вдруг сгустилось, и осталось только беспомощно смотреть, как долго-долго приближается задний бампер маршрутного микроавтобуса.

Я судорожно вцепилась в руль и зажмурилась. Раздался сильный удар, меня бросило на руль, вдобавок я стукнулась со всего маху о лобовое стекло, отчего оно сразу же покрылось паутиной мелких трещин.

«Мамочки!» – подумала я и открыла глаза.

Вокруг наших машин все также проносились автомобильные потоки. И только мы застыли, как вечный укор людской спешке. Из маршрутки выбрался пожилой мужчина и, почесывая затылок, подошел ко мне.

– Ну, ё... – сказал он, ни к кому впрочем, конкретно не обращаясь. – Пойду, пассажиров выпущу.

Он достал мобильный телефон и стал кому-то звонить.

Я вспомнила, что у меня тоже есть куда звонить и полезла в сумочку. Заветный номер, слава богу, не был занят, или отключен. Прошло два зуммера, и знакомый голос весело произнес:

– Легки на помине, Валерия Михайловна. Ну, как там у вас дела. Есть ли новости?

– Есть, – пожаловалась я, изо всех сил стараясь сохранить бодрость в голосе. – Я машину разбила. Сильно.

– Как? – рявкнул гигант. – Где?

Я как могла, объяснила. Он коротко сказал, что едет и отключил телефон.

Вылезать из машины не хотелось совершенно, и я так и сидела, тупо уставившись на руль. Не смогла уберечь ласточку. Недели не прошло, а уже сумела ее угробить. Значит, грош мне цена, как водителю.

Мне хотелось завывать как волку, или как волчице. Только я не знала, волчицы воют или нет. Деньги у меня украли, причем чужие. Но я все равно купила машину, на совсем чужие деньги. И эту машину разбила! Ууууу! Как мне плохо! Ни машины, ни денег! Ууууу!

И голова болит, просто-таки раскалывается. Я потрогала место удара и обнаружила огромную шишку. А рука испачкалась в крови. Но я не испугалась, а решила, что так и к лучшему. Пусть хоть вся кровь вытечет. Тогда все проблемы рассосутся сами собой.

Но тут вернулся водитель маршрутки и сказал угрюмо:

– Я вызвал милицию. У вас есть страховка?

– Должна быть где-то в бардачке, – вяло отозвалась я и с тоской подумала, что надо бы заготовить какие-нибудь объяснения для Михаила, почему врезалась в маршрутку.

Может сказать, что у той не горели тормозные огни? Или колесо попало на что-то скользкое?

Увы! Я умею хитрить лишь в своей профессиональной деятельности. А как только мои выдумки начинают затрагивать другие сферы человеческой жизни, окружающие сразу это замечают. А уж что касается технической, или научной стороны! Тут у меня совсем слабо.

Так я и сидела за рулем раненой ласточки. Денег на ее ремонт нет. И занимать больше не у кого. Останется продать ее на разборку. Тут мне так стало жалко машинку! Да еще вспомнились пророческие слова Верницкого:

– ТЫ ВЕДЬ ЕЗДИТЬ НЕ УМЕЕШЬ! РАЗОБЬЕШЬ МАШИНУ И ОСТАНЕШЬСЯ У РАЗБИТОГО КОРЫТА!

Уууу! Гад какой, ведь накаркал же, а? Ууууу! Завыла я на злую судьбину. И сама не заметила, как слезы потекли по лицу.

Вокруг нас разрастался затор – шум, гам, ни проехать, ни объехать. А я была одна, и никто не хотел за меня заступиться. Вот уж точно, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Целый час прошел, а к нам никто не ехал, хотя уже ощутимо стемнело и стало в два раза тоскливей.

Но вот, наконец, распутивая всех сигналом и зажженными фарами, вдали показались два черных джипа. Они остановились позади моей ласточки, и из них вышло сразу шесть человек. Первым шел Михаил.

Я съезжилась, стараясь стать как можно незаметней. А он наклонился ко мне и тут же, заметив раны, рявкнул:

– В скорую звонили?

Я пожала плечами и отрицательно помотала головой. Он распорядился вызвать медиков и потащил меня из машинки. Его люди сразу развернули вокруг места аварии бурную деятельность, а он отвел и усадил меня в свой джип. Сам же уселся рядом и начал разборку:

– Ну, а теперь рассказывайте, как все произошло. Кто виноват?

Я попыталась честно воспроизвести события, но в голове у меня осталось только одно видение – надвигающийся бампер маршрутки.

– А, может, вы слишком близко держались от микроавтобуса? – раздался с заднего сиденья вопрос.

Я резко повернулась и увидела, что мы в салоне не одни. Там сидел сухощавый мужчина средних лет в кепке, надвинутой до бровей и светлой куртке.

– Нет, – возмутилась я несправедливым обвинением. – Я знаю, что такое дистанция. Просто я нажала на тормоз, а машина тормозить не захотела. Даже педаль как ушла в пол, так и осталась там.

– Ну-ка, – отчего-то насторожился Миша и обратился к незнакомцу. – Проверь.

Тот резво вышел из джипа и направился к моей ласточке. А я впервые за вечер осмелилась посмотреть в глаза своему клиенту и тихо вымолвила:

– Я не хотела, честное слово. Оно само так получилось. А что теперь делать? У меня права отберут? Миша, вы не беспокойтесь, я сама попробую ласточку отремонтировать.

Он усмехнулся и вместо ответа полез в мини-бар между сидений. Достал оттуда бутылки, налил полстакана водки, подумал немного и добавил сока:

– Натe, выпейте! Полегче станет.

– Ой, а сейчас же милиция приедет? – испугалась я. – Увидят, что я пьяная.

– Не приедут, – отмахнулся Миша. – Сами разберемся.

Мне было плохо, так почему бы не усугубить свое положение? Прежде я никогда не пила водку. Но, видимо, настал момент такой. Я приняла стакан и, глубоко вздохнув, выпила его до дна. И даже не закашлялась.

– Вот и отлично, – похвалил меня мой ангел (или черт?) – хранитель.

В то время как я пьянствовала, микроавтобус уже уехал с места происшествия, а люди Михаила откатывали мою ласточку на обочину. Сам гигант тоже завел джип и отъехал следом. Несколько минут спустя к нам присоединился незнакомец в кепке. Он сел сзади, откашлялся и отчитался:

– Интересное дело, Михаил Александрович, получается. Педаль действительно оказалась не рабочей. Тогда мы капот открыли и обнаружили, что в бачке тормозной жидкости ни грамма! Пусто! И под машиной чисто. Зато метров за тридцать до места аварии на асфальте четко виден свежий шлейф из жирной жидкости. Судя по всему – именно тормозной, из машины вашей знакомой. Стали смотреть дальше. Так вот, оказалось, лопнул наконечник шланга у правого переднего колеса. Да не сам по себе. Он был явно пережат несколько раз. По-

видимому, работали быстро, плоскогубцами. Но сделал все это человек знающий. Профи. Пока тормозами пользовались в обычном режиме, место надлома еще держалось. Но при экстренном торможении произошел разрыв. Так что, можно сказать, вашей знакомой здорово повезло остаться в этакой передрыге живой и почти невредимой. Это я про вас, – последовал кивок в мою сторону.

Я вопросительно взглянула на Михаила, он сочувственно кивнул мне в ответ. И тогда, осознав всю серьезность положения, я принялась икать:

– Ик... ик... ик...

Да не как-нибудь по-дилетантски, а непрерывно, содрогаясь всем телом. Гигант стал отпаивать меня водой, но тщетно. На его счастье, тут к нам подкатила скорая помощь, и он передал меня в более квалифицированные руки.

Как ни странно, едва я попала в салон санитарного автомобиля, как икота сразу же прошла, зато мной овладела полнейшая прострация. Я честно отвечала на все поставленные вопросы: да, я – Валерия Михайловна Верницкая; да, живу, на проспекте Просвещения, дом 14, квартира двухкомнатная; да, ударилась головой, сидя за рулем; нет, противопоказаний к лекарственным препаратам нет; да, пила, сколько – не помню; нет, от госпитализации отказываюсь.

Врачи забинтовали мою голову, вкололи что-то в вену и передали на руки Мише. Сразу захотелось спать, и было глубоко безразлично, что сейчас со мной будут делать. Однако гигант ничего не предпринимал – не распиливал меня бензиновой ножовкой, требуя обратно вложенные в меня деньги и вообще, вел себя удивительно корректно, учитывая обстоятельства. Он бережно положил меня на заднее сиденье и укрыл невесть откуда взявшимся пледом.

Мы куда-то ехали, и это было прекрасно. Езда по вечернему, освещенному сотнями огней, городу всегда мне нравилась. И я спросила, а долго ли мы будем так кататься, и есть ли у нас конечная цель? Оказалось, что все достаточно прозаично – Миша вез меня домой. Это было весьма великодушно с его стороны, и я от нечего делать стала подсчитывать вслух, сколько столетий мне придется психотерапевтировать всю их семью, чтобы расплатиться за то, что он делает.

– Видать, она крепко головой приложилась, – раздался с переднего сиденья голос незнакомца в кепке.

– М-г-м! – ответил Миша. – Ума не приложу, что с ней делать...

(Это со мной!!!)

– ...Я бы с удовольствием приставил к ней пару бойцов побашковитей. Да ведь там такой гадюшник. Враз шухер поднимется. А козел, который все подстроил, уйдет на дно. Ладно. Сейчас с ней разговаривать толку нет. Сдадим ее мужу, пускай проспится. А завтра до обеда наведаемся к ней в институт по-тихому. Посмотрим что к чему.

Мужчины немного помолчали, потом незнакомец тихо спросил:

– А можно поинтересоваться, если конечно это не секрет? В чем причина вашей заинтересованности в судьбе этой особы? Не в тех ведь деньгах, что вы выложили за машину?

– Есть у меня на нее определенные виды, – туманно пояснил Миша. – Неплохая комбинация складывается. Но пока рано говорить о ней вслух. Во всяком случае, я не хочу, чтобы с Валери что-нибудь случилось.

– Хопа! Михаил Александрович! Тогда, сдастся мне, что я придумал следующий ход! Тот, кто хотел увидеть некролог вашей знакомой, немного обломается. Представляете, если она завтра приедет в институт на своей машине? Как ни в чем ни бывало? Так пусть он подержается, глядишь, ошибется в чем, так его и вычислить будет легче.

– Да, – согласно отозвался гигант. – Не забудь Жанне сказать, чтобы глаз не спускала с Валери. А с машиной – это любопытно. Почему бы не попробовать?

...Последнее что я подумала, засыпая: вот оказывается, как меня за глаза зовет Миша Черкасов. На французский манер, с ударением на последнем слоге. Но кто такая Жанна?..

ГЛАВА 4

– Аллах Акбар, – раздалось завывание прямо у меня под ухом.

Я так испугалась, что выпрыгнула из кровати. И только уже стоя на полу, сообразила, что Верницкий опять оказал мне медвежью услугу. Он обладает удивительным свойством – просыпаться всегда самостоятельно, с точностью до минуты. Говорит – это у него с детства.

Зато я могу спать как сурок – сколько угодно. И, чтобы этого не допустить, ехидина в образе человека, уходя на работу, положила рядом с моей подушкой будильник. Господи, ведь еще полдевятого утра!

– Аллах Акбар, – вновь напомнил о себе механический истязатель моих нервов.

Заткнув ненавистнику рот, я потянулась почесать голову, да не тут-то было. Голова оказалась в бинтах. И тут я вспомнила вчерашние события. Ууууу! Как все запущено оказалось!

Я поплелась к зеркалу и, морщась от отвращения к самой себе, стала распутывать повязку. По счастью, на лбу у меня остались лишь три легких царапины, зато шишка была знатной. Переливающаяся всеми цветами радуги и такой величины, будто под ней спрятан теннисный шарик. Ну и видок! Как в институте показаться? Позорище!

А может, стоит попробовать завить челку и напустить на глаза? Ну и что, что буду выглядеть как болонка? Зато хоть безобразие это прикрою.

Остановившись на таком решении, я поплелась в ванную и по дороге обнаружила записку от Верницкого: «Проснулась? В девять к тебе обещался наведаться твой возлюбленный клиент!»

Так! Грустно вздохнула я. Раз он не написал слово «привет», значит, глубоко на что-то обиделся. А слово «возлюбленный» приписал специально, предупреждая тем самым заранее, что вечером устроит мне очередную сцену ревности. Вот в таких мелочах – весь мой муж. Вникнув в послание доморощенного Отелло (а он меня ревнует ко всем клиентам), я запрыгала как чертик, по квартире. Надо было навести хоть какой-то порядок, самой собраться, да и позавтракать не мешало бы.

Но лишь я успела принять человеческий вид, как послышался звонок, и пришлось идти открывать дверь.

Через порог перешагнул, как и было предсказано в записке, Миша собственной персоной. По плечам он вписывался в дверной проем, а вот голову ему пришлось нагнуть. Прикрыв за собой дверь, он первым делом огляделся вокруг в поисках сиамской, но не увидел ее и, облегченно вздохнув, поздоровался со мной.

К моей бедной Кэри все знакомые относились с опаской. Она была отъявленной мужененавистницей, и запустить когти в гостя мужского пола в последние годы стало ее любимейшей забавой. Не стал исключением и гигант. Еще в самую первую встречу Кэри с ходу располосовала ему руку, едва он потянулся, чтобы погладить спящую сиамскую.

Я провела гостя на кухню (отчего там сразу стало не развернуться) и заварила нам кофе.

– Как чувствуете себя, Валерия Михайловна? – осведомился он, пока я крутилась у плиты.

Вместо ответа я откинула со лба волосы, показывая увечье, и он сочувственно поцокал языком:

– Да уж! Но, как говорится, лучше с шишкой на лбу, чем со свечкой в гробу! Это я к тому, что вы вчера вполне могли в морге оказаться. Помните, что вчера мой помощник говорил? Повезло вам! А насчет машины не волнуйтесь. Страховка вам была сделана по полной программе – от всех рисков, а не только обязательная. Так что, о деньгах не думайте. Недели через две ваша ласточка вновь будет летать.

– А зашел я к вам вот зачем, – продолжил он, принимая из моих рук чашечку кофе. – Вы уже начали искать вора? Встречались с кем-нибудь, разговаривали?

– Да я почти еще ничего не сделала. Лишь определила шесть человек, которые могли совершить кражу, и двоих протестировала. Но этого мало. Впереди еще много работы. Так что и говорить в принципе не о чем.

Я присела на стул и сделала себе четыре крохотных бутербродика. Подумала и полезла в холодильник, но пока прикидывала, что бы предложить Мише, оказалось, что он уже угостился моими изделиями. Пришлось промолчать из вежливости.

– Я бы так не сказал, – допив кофе, прокомментировал мои слова гость. – Вы едва поговорили с двумя кандидатами, а уже вечером чуть не стали трупом...

Меня аж передернуло, когда он употребил это ужасное слово, причем применительно ко мне. Я так разволновалась, что пришлось поставить еще вариться кофе.

– ...А из этого следует, что вы с ходу умудрились напасть на вора. И он понял, что вы его подозреваете. Люди за семь тысяч рублей убивают друг друга, а тут семь тысяч долларов. Конечно, он и решил, что от вас надо избавиться. Так что, рассказывайте, с кем вы вчера удружились переговорить.

Я объяснила Мише, что общалась с бухгалтером Тамарой Семеновной и завхозом Игорем Леонидовичем, по прозвищу Бобер.

– Ясно, – задумался он. – Женщине не под силу додуматься проделать такое с тормозным шлангом, если только у нее не было помощника. А вот мужик на это способен. У этого Бобра есть тачка?

– Есть, – обрадовалась я. – Такая большая иномарка.

– Ну вот. Значит, пора с ним потолковать. Авось, расскажет что-нибудь интересное. Прокатимся, Валерия Михайловна?

– Прокатимся, – в тон Мише ответила я. – Только разговаривать будем без утыгов и мордобоя, хорошо?

– А это, как ваш Бобер захочет, – покладисто ответил Черкасов.

Я быстренько собралась, и вскоре мы уже выходили на улицу. Здесь меня ждало очередное потрясение.

У подъезда между двух черных джипов пристроилась ярко-красная машинка, двухдверная, с раскосенькими глазками «Пежо – 206».

– Что это? – враз ослабев в коленях, промолвила я.

– Ну, пришлось подсуетиться, – стал объяснять Миша. – У одной моей знакомой оказался этот аппарат. Вот я и позаимствовал его на время.

– Зачем? – жалобно простонала я.

А у самой аж глаза на мокром месте оказались.

– Ну, это мы план такой разработали! – растерялся от моей реакции свежее испеченный доброхот. – Чтобы заставить понервничать...

– Меня? – вновь застонала я.

– Да нет! – передернул плечами Миша. – Того, кто убить вас хотел. Вы едете или нет?

Я согласилась, и он отдал мне ключи с большим брелоком сигнализации, больше похожим на миникомпьютер. Даже небольшой экран присутствовал.

– Короче, – начались неизбежные пояснения, которые так любят делать все мужчины, – тут наворотов – в космос можно полететь. Вот кнопка включить, вот выключить. Вот со звуком, вот без звука. Это кнопка – двигатель завести для прогрева, но это зимой. Это кнопка для поиска машины... А это я вообще не знаю для чего. Владейте, и на лишние кнопки не нажимайте.

Внутри салон оказался схож с ласточкиным интерьером. Но не более того. Все пропахло ужасными автомобильными духами. На стеклах красовались всякие наклейки, по приборной панели расставлены игрушки. И все в таком духе.

Я облегченно вздохнула. Потому что это была совсем другая машина, а не моя ласточка. Как заправский водитель, я включила зажигание, воткнула первую передачу и вырулила на улицу.

Наш маленький караван очень быстро добрался до цели. На дорогу ушло всего полтора часа. Наверное, это потому, что за мной ехали два джипа. Знаете ли, это очень добавляет уверенности в своих силах. Ведь есть разница – одинокая дама на одинокой машинке, или дама в авто, которую сопровождают два джипа?

Я припарковалась у самого подъезда в головной корпус. А эскорт остался чуть поодаль. По договоренности мне следовало разведать обстановку, выяснить где завхоз, и позвонить Михаилу.

Шли занятия, поэтому в коридоре первого этажа было пустынно. Я поздоровалась с вахтершей и поинтересовалась, не видела ли она Боброва.

– Да ходил тут с утра, – сообщила словоохотливая бабка. – Небось, в кабинете своем сидит. А нет, так по делам бегаёт. Он, чай, человек занятой. Не то, что некоторые, когда хотят – приходят, когда хотят – уходят. А он на ответственный пост назначен. С утра до позднего вечера об институте радеет.

Я поблагодарила и направилась вглубь коридора. Кабинет завхоза находился в глухом тупичке за спортзалом. Этот тупичок использовался как временный склад списанного оборудования и вечно был захламлен старыми столами, стульями, ящиками и мешками. Аудитории в этой части этажа не располагались, поэтому перегоревшие лампы не менялись в закутке месяцами. Оттого здесь было очень даже неуютно.

Осторожно пробравшись к кабинету Бобра, я заметила полоску света, пробивавшуюся из-под двери. Значит он у себя – это хорошо. Я постояла, собираясь с духом, чтобы постучать в дверь. Сердце вдруг заколотилось как бешеное, от волнения.

Неужели завхоз украл мои деньги? Наверное, мог. Вон ведь, как озлобился после теста. Ой, я же еще тесты не обработала. А вдруг это не он? Зря я согласилась на приезд Миши. Их методами правду не узнать. Под пытками кто угодно в чем угодно признается.

И тут у меня созрело решение. Зайду, поговорю с Бобром. Извинюсь перед ним за вчерашнее и скажу, что зря он беспокоился о результатах теста. Дескать, не нашла там ничего компрометирующего. Сама же посмотрю на его реакцию. А дальше будет видно.

Я постучала, но хозяин кабинета не отозвался. Попробовала прислушаться, однако за дверью было все так же тихо. Скорей всего он вышел по делам.

И тут вдруг мной овладело нездоровое, прямо-таки воровское любопытство. Я решила пошарить по кабинету, пока завхоз находился в отлучке. Тем более, что дверь не была закрыта на ключ.

Осторожно нажав на ручку, я толкнула дверь внутрь и сделала первый шаг. Было очень боязно, даже по телу мурашки побежали. Но ничего не случилось. Хляби небесные не разверзлись, исчадья ада не разорвали грешницу. Тогда я, осмелев, распахнула посильнее дверь, и вошла внутрь.

Кабинет как кабинет: шкафы по стенам, два стола со стульями. Везде, даже на подоконнике стопки бумаг. Какие-то механизмы вдоль стен. На потолке люстра без рожков. Портрет Сталина на стене.

Подойдя к столам, я стала открывать ящики, сама не зная, что ищу – не россыпи ведь долларовых пачек? Зато испытала чувство брезгливости от собственных действий.

Дойти до того, что начать шарить по чужим столам! Кошмар какой-то.

Что-то гадкое пробралось ко мне внутрь и засело там. Неужели я так изменилась из-за потери денег? Или под влиянием Черкасова? Или это всегда сидело во мне, но раскрылось только сейчас?

Содрогаясь от этих мыслей, я бросила исследовать содержимое столов и решила выйти из кабинета. Подняла голову и остолбенела.

Пока происходил осмотр ящиков, дверь в кабинет бесшумно закрылась и обнаружила за собой нишу, устроенную в стене непонятно для каких целей.

А вот в эту нишу забился, скорчившись, завхоз Игорь Леонидович. Я сразу поняла, что он мертв, хотя крови не было видно. Просто когда голова ТАК свернута набок, трудно заподозрить жизнь. Да и на лице его уже четко проявилась печать смерти.

И тут до меня дошло, что человек, на встречу с которым я шла, превратился в труп. Мне стало так плохо, что я, не соображая, что делаю, по стенке опустилась на пол и тихонечко завывала. От жалости к самой себе, оттого что Бобер мертв, оттого что никого рядом нет, оттого что это не сон. Господи, да за что же это мне?

Я бы еще долго выла, если бы не зазвонил мобильник.

– Валерия Михайловна, – раздался встревоженный голос Миши. – Мы ждем уже больше пятнадцати минут. У вас все в порядке?

– Не-е-ет! – зашмыгала я носом. – Завхоз мёртвый сидит в нише-е-е!

– Что? – закричал он. – Немедленно уходите оттуда. Вы там что-нибудь трогали? Вас кто-нибудь видел?

– Да-а-а! – заскулила я в трубку. – И трогала-а-а, и видели-и-и!

– Мать твою..., – выругался в трубку Миша, и добавил. – Это я не про вашу маму, Валерия Михайловна! Так, раз такое дело, мы отсюда уезжаем. А вы вызывайте милицию. И срочно придумайте, зачем он вам был нужен. Все. Вечером созвонимся.

У меня не было сил встать и идти куда-то, поэтому я нашла запись ректорского телефона и нажала зеленую кнопку.

– Слушаю вас, – раздался вялый голос Жеребцовой.

– Светлана Аркадьевна, – четко произнесла я. – Это вас Верницкая беспокоит. Я в кабинете завхоза. Его убили.

– Так, ясно, – ответила ректор, только от уныния не осталось и следа, а в голосе прорезался металл. – Ничего не предпринимайте. Сейчас я к вам спущусь.

Я так и сидела на полу, когда из коридора раздался дробный перестук каблучков.

Дверь распахнулась и на пороге возникла Жеребцова:

– Где?

– За дверью, – махнула я рукой.

Светлана прикрыла дверь и застыла, повернувшись ко мне спиной. Довольно долго она стояла неподвижно, словно статуя. А когда повернулась ко мне, то на ее лице не было никаких эмоций.

– Ну же, Верницкая, вы так и будете сидеть на полу? Здесь же грязно, – брезгливо поморщилась она. – Пересядьте в кресло, а я вызову милицию.

Но мне вдруг расхотелось хоть на миг более оставаться здесь по соседству с мертвым Бобром и я, не вслушиваясь в то, что кричала вдогонку Жеребцова, выбежала прочь.

Едва оказавшись на крыльце, я достала сигареты. А, закурив, стала ожесточенно втягивать в себя дым, словно с каждым вдохом надеялась подтвердить собственное существование.

Джипы уже давно растворились в глубине городских кварталов. И я снова осталась одна. Ничего – справлюсь. Придумаю, что соврать милиционерам...

... Милиция и скорая помощь приехали быстро, и институт сразу же загудел как потревоженный улей. Я не хотела ни с кем общаться и решила отсидеться на кафедре. Хорошо хоть коллеги не знали о моей роли в обнаружении Боброва и не приставали с вопросами.

Я уж думала, что про меня забыли. Но, увы, ошибалась! В дверь постучали, и на пороге возник улыбочивый молодой человек в облегающем черном свитере и джинсах.

– У меня есть огромное желание увидеть Верницкую Валерию, – громогласно объявил он о своих намерениях.

– Михайловну, – отозвалась я, а все коллеги удивленно посмотрели на визитера.

– Никаких проблем, мадам! – еще шире улыбнулся он. – Именно это отчество я и хотел произнести, да вы меня опередили. Так кто-нибудь отзовется?

– Ну, я Верницкая, – посуровела я, уж больно мне не понравился этот мистер Обаяние. – С кем имею честь?

Кроме того, хоть я формально подхожу под определение «мадам», мне оно совершенно не по душе.

– Старший оперуполномоченный Демченко Сергей, – представился он. – Валерия Михайловна, я бы хотел с вами поговорить. Наедине.

И он выразительно посмотрел на изучающих его сотрудников кафедры. Но с профессиональными психологами в гляделки играть себе дороже. Он первым отвел взгляд и спросил меня:

– Может, мы бы могли уединиться в каком-нибудь кабинете?

– Может, и могли бы, – вздохнула я и, взяв ключи от пустующей аудитории, повела туда милиционера.

Там я сразу устроилась за преподавательским столом (хороший психологический ход – нечего ему воображать, что управляет ситуацией), так что ему осталось усестись напротив.

– Спрашивайте, что хотите узнать, – на правах хозяйки выдала я ему разрешение на проведение допроса.

Он вздохнул и достал из папки листы бумаги, какие-то бланки и ручку. Ободряюще улыбнулся и начал свой допрос.

– Ваши фамилия, имя, отчество, где и когда родились, кем работаете, как долго, образование, семейное положение, дети, – посыпались из него вопросы, как из рога изобилия.

Я едва успевала отвечать. Наконец официоз закончился, и он поднял голову, одарив меня очередной улыбкой:

– Когда вы приехали в институт?

– Около одиннадцати часов, – припомнила я.

– И вы сразу направились в кабинет завхоза?

– Да, – удивилась я вопросу. – А что? Это запрещено?

– Нет, – поморщился он. – Значит, можем записать, что примерно в одиннадцать часов вы попали в кабинет. Вы стучали в дверь?

– Естественно, – оскорбилась я. – А почему вы это спрашиваете?

Он вздохнул, но улыбку с лица не убрал:

– Вы постучали. Вам никто не ответил. Верно?

– Верно.

– Но вы все-таки вошли?

– Ну, да, – удивилась я недогадливости милиционера. – А иначе как бы я узнала про несчастье?

– Логично! – согласился он с моим доводом. – А скажите, Валерия Михайловна, вы всегда если вам не отвечают, вламываетесь в кабинеты? В квартиры?

– Что вы себе позволяете? – вспыхнула я. – Нет, конечно!

– А почему вы тогда в этом случае вошли? Никогда без спроса не входили, а тут как магнитом потянуло?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Свет горел, а дверь не закрыта на ключ, вот я и вошла.

– Ладно, не знаете, так не знаете. Вот вы заглянули, и увидели, что его нет. А дальше что?

– Ну, я вошла, прошла к столам, а дверь захлопнулась и когда обернулась – увидела его, – попыталась я правдоподобно объяснить свое появление в кабинете завхоза.

– Ясно. Ох уж это женское любопытство, – сочувственно улыбнулся мне милиционер. – То есть вы не успокоились, пока не обнаружили труп. Так? Чем еще можно объяснить ваше поведение?

– Наверное, – растерялась я от его иронии.

– А что вы делали у столов? – последовал новый вопрос.

Тут я вспомнила все детективы, которые прочитала и задала встречный вопрос:

– А у меня будут снимать отпечатки пальцев?

– А вы считаете надо? – съехидничал собеседник.

– Не знаю. Так будут или нет?

– Предположим, что да.

– Меня такой ответ не устраивает, – твердо заявила я. – Да или нет?

– Да! – он это так сказал, словно одолжение сделал.

– Тогда я признаюсь, что выдвигала ящики у столов.

– Ну и как, нашли что-нибудь для себя интересное?

– Вопрос поставлен некорректно, – обошла я расставленную ловушку.

Но милиционер не смутился, а возразил:

– Давайте договоримся, раз и навсегда, что вопросы буду задавать я и такие, какие нужно.

И даже если спрошу у вас размер лифчика, или фамилию любовника, то вы обязаны мне ответить.

На что я выдвинула свой контраргумент:

– Если хотите, чтобы я сотрудничала с вами, или как там это называется, то будьте любезны – ведите себя достойно. Хамство – признак слабости.

Нет! Даже моя филиппика не лишила его способности улыбаться. Видно это у него генетическое. Он засмеялся и проговорил сквозь смех:

– Ладно, оставим в стороне содержимое столов... М-г-м, а теперь, Валерия Михайловна, скажите мне, пожалуйста, зачем вам понадобился завхоз?

Я, еще сидя на кафедре, придумала замечательный повод и теперь заторопилась его обнародовать:

– Понимаете, я решила дома сделать ремонт и хотела с ним посоветоваться по некоторым вопросам.

– А он что, такой знатный строитель?

– Ну, наверное, раз он завхоз, – предположила я.

– Вам его кто-нибудь посоветовал? Или вы сами так решили?

– Сама так решила.

– Так если вам нужна консультация и не больше, зачем вы лазали по столам? Вы клеptomанка? Или была какая-то определенная цель?

Наш допрос стал уходить в неправильное русло, и я вспыхнула:

– Вы что, подозреваете меня в чем-то? Что это я убила Боброва?

– А откуда, кстати, вы поняли, что он именно убит?

– Так вы подозреваете меня? – продолжала я настаивать.

– Увы, нет, – усмехнулся милиционер. – Боброва задушили, а у него шея была просто бычья. С вашими тонкими ручками там делать нечего.

– И ничего у меня не тонкие ручки.

– Хорошо, хорошо. Да, кстати, вы не заметили ничего странного или необычного?

– Нет, – выпятила я негодуя губы. – Я же впервые была у него. А из необычного заметила только портрет Сталина.

– Жаль, и все-таки очень жаль, что мы так и не услышали, что именно вам понадобилось в столе у завхоза, – подвел итоги допроса мой мучитель, и стал складывать бумаги в папку.

А потом добавил:

– Не прощаюсь, еще увидимся. Да, насчет отпечатков! Выйдите, пожалуйста, на улицу, там стоит передвижная криминалистическая лаборатория. Зайдите туда. Только не забудьте.

Вот на такой веселой ноте мы и расстались. Я заперла аудиторию и отправилась на процедуру снятия отпечатков. Там меня уже ждали. Больно не было, но чувствовала я себя совершенно униженно. Всего ничего – испачкали чернилами подушечки пальцев, а на душе – словно клеймо поставили.

Делать в институте было нечего, поскольку для меня подыскали замену. Поэтому я, недолго думая, решила уехать домой.

Да только всю дорогу на душе словно кошки скребли! А перед глазами неотрывно стояло видение ниши с воткнутым туда Бобровым.

Дома я сразу занялась стиркой и уборкой. Это у меня проверенное средство. Если хочу от чего-нибудь отвлечься, то начинаю заниматься хозяйством. Постепенно вхожу в раж и пока все не закончу – не останавливаюсь. Однако моя квартира маловата для подобных релаксов. Еще не было и шести часов вечера, а работа подошла к концу.

Тогда я присела передохнуть у окошка на кухне, подперла ладонью подбородок и стала смотреть, что делается во дворе.

На улице стояла солнечная погода. Народ из окрестных домов высыпал на площадку. Дети возились в песке и качались на качелях, бабки заполонили все скамейки. Автомобилисты заползли как один, под свои машины и, довольные, старались посылней испачкаться в масле и бензине. Влюбленные парочки демонстративно прохаживались в обнимку по дорожкам вдоль домов.

Я подумала еще, вот люди – живут себе спокойно и не находят трупы, там где не надо. А мне что теперь делать?

Боброва убили. Это может означать только одно. Доллары украл у меня он. И ласточку испортил тоже он. Затем похвастался этим подвигом перед своими приятелями, такими же вороватыми, как сам. А они его убили, чтобы завладеть деньгами. Отсюда следует, что денег мне теперь не видать однозначно. Потому что совершенно неизвестно, кто его приятели. Да и узнать неоткуда. Хотя у меня есть клиент, по имени Миша. Точно, я ему позвоню, и он живо вытрясет из них все что нужно.

Или я не права? И Боброва убили по другим причинам? Тогда получается следующее. Деньги он у меня украл, спрятал куда-то или даже потратил. А теперь его убили, и где эти самые деньги никто не знает. А он уже не скажет.

И вообще, должна ли я свои соображения выкладывать Мише, или надо звонить в милицию? Но если им станет известно о краже, то они сразу заподозрят меня. Вот он мотив преступления – деньги! Узнают о моем знакомстве с авторитетом по кличке Циклоп, и сложат как дважды два, что я его наняла для убийства завхоза. Тут в дело пойдут отпечатки моих пальцев, которые будут неопровержимо свидетельствовать, что раз я шарила по столам, значит нашла деньги. Кто-нибудь обязательно вспомнит, что видел в то утро недалеко от института черные джипы. Найдут, определят и все! Точно. Я – заказчица, Миша – исполнитель. Я так испугалась нарисованной картины, что немедленно позвонила ему.

– Да, Валерия Михайловна! – воскликнул Миша. – Опупея с ментами закончилась?

Сбиваясь и путаясь, я все-таки сумела выложить ему свое видение ближайших последствий сегодняшнего убийства. А также соображения по поводу истинных причин убийства. И то, что меня теперь явно подозревают.

Минут через десять я замолчала. Миша тоже явно поостерегся комментировать мое заявление. Поэтому в эфире воцарилось гнетущее молчание. Я старалась дышать тихонько, чтобы не мешать ему думать.

– Вот что, – наконец заявил Черкасов. – Я заеду за вами в восемь, мы покатаемся немного, в кафе зайдём – пожуём чего-нибудь. А там глядишь, что-нибудь придумаем. Лады?

– Лады, – согласилась я.

Тут пришел с работы Сережка весь из себя насупленный и суровый, как римский легионер. Минут пятнадцать он сдерживался, но, усевшись за стол, более молчать не смог и понес всякие правильные слова про то, что нельзя быть такой легкомысленной.

А поскольку я не пыталась оправдываться, то он заводился все больше и больше:

– Пока он был только клиентом, еще куда ни шло! Но ведь ты теперь завела с ним какие-то шашни! Разве не так? С чего бы это он стал так о тебе заботиться? А вчера? Ты где была? Я понимаю так, что ты напилась и разбила свою машину. А этот твой Циклоп по первому зову ринулся тебя спасать. Что, не так?

Он остервенело ухватил кусок мяса и почти не разжевывая, проглотил его.

– Я не понимаю, что с тобой происходит? Ты совсем забросила диссертацию. Далась тебе эта машина! Или с клиентов пример берешь? Красивой жизни захотелось? Он тебе что, очень нравится? Так ты так и скажи. Сергей, мне нравится Миша Циклоп!

Эта мысль ему очень понравилась, и он стал развивать ее, испытывая к самому себе все большее сострадание:

– Да! Так и скажи. И все! И растопчи нашу любовь, все годы, прожитые вместе! Чего тебе не хватает? Чем он лучше меня?

Раньше я от таких вспышек страдала, но теперь научилась реагировать совершенно формально. Главное – это сделать виноватое лицо. И сейчас сидела, изобразив на лице вселенскую скорбь, а сама поглаживала сиаamsкую, которая во время скандалов всегда приходила ко мне на колени, оказывая тем самым моральную поддержку.

Верницкий, распалившись, продолжал обличать меня и как личность и как представительницу дочерей Евиных. А я думала в это время о том, как там сейчас ласточка. Её, наверное, разобрали всю до последнего винтика. А вот сумеют ли собрать? Вот в чем вопрос. Надо будет спросить у Миши.

Когда же подошло время назначенного randevу, я просто вышла в коридор и стала одеваться. И только когда уже открыла входную дверь, Верницкий запоздало крикнул:

– Ты куда это собралась?

– На свидание к Черкасову! – ответила я и сильно хлопнула дверью.

В скором времени показался Мишин джип, и минут через двадцать мы уже входили в один уютный ресторанчик, неподалеку от Австрийской площади. Там для нас был приготовлен отдельный кабинет. Очень уютный, стены затянуты тканью с расцветкой, напоминающей индейские мотивы, множество свечей. Мягкая музыка, негромко звучащая из скрытых динамиков, и даже небольшой водопад в углу. Но не китайская пластмасса. Судя по всему, здесь была сооружена настоящая каменная горка.

Во время ужина я вновь, только более спокойно и связно, выложила все соображения своему спонсору. А также поинтересовалась, каковы шансы вернуть деньги, украденные завхозом.

Пока я развивала свою теорию, Миша постоянно усмехался, но едва я пыталась рассердиться, как он тут же извинялся и просил продолжить.

А потом огородил меня совершенно, заявив:

– Ох, Валерия Михайловна! Ну и нагородили же вы! И, главное, как правдоподобно. А вот я считаю, что все выглядит в несколько ином свете. Убийство Боброва никак не связано с хищением у вас денег. Скорей всего, там что-то другое. Но нас это никак не касается. Далее,

никто нас с вами не посадит, поскольку этого жмурика к нам не привязать. Это я говорю. Так что успокойтесь. А завтра опять начните вычислять того, кто мог украсть у вас деньги. Теперь у вас пять подозреваемых. Уже меньше.

На этом официальная часть встречи закончилась, и мы сменили тему. И, пожалуй, впервые поболтали просто так, ни о чем! Всякие сплетни, анекдоты, просто смешные истории. Я так смеялась, как никогда в жизни! Будто перед нами выступали все юмористы страны сразу. Наверное, это сказалась реакция на происшедшее. В конце концов, я впервые нахожу убитого завхоза.

Поздно вечером Миша подвез меня домой и я поднялась в квартиру. Там уже все спали, даже сиамская. Но это и к лучшему. Поскольку ложиться мне не хотелось, то я стала расшифровывать результаты тестов.

Как и предполагалось, Тамара Семеновна оказалась вне всяких подозрений. Вернее, скажем так, у нее не было выявлено криминальных наклонностей. Ни малейших. Что позволяло достаточно ответственно заявить о ее невинности.

Здорово! Я достала список и зачеркнула жирной чертой строчку, которую занимала бухгалтер. Затем вычеркнула несчастного Боброва. Итак, осталось четыре фигуры, на которые следует обратить самое пристальное внимание. Прикинув все за и против, мне показалось самым разумным заняться теперь Юлей и Жорой.

Но перед тем как составить план, я решила, что следует поработать и над тестом, который делал Бобров. Диктофон исправно воспроизвел беседу. Было немного жутковато слушать на кухне в полночный час голос человека, которого уже нет среди живых. Словно это потустороннее послание. Тем не менее, я все переписала и принялась за работу. Результаты оказались довольно любопытные. Я сумела вычислить, что у него были большие проблемы с денежным долгом, и что он занимался махинациями на ремонтных работах. И была еще одна большая зона: что-то связанное с наркотиками. Но что именно – теперь уже не узнать. С мертвого кто спросит?

Во всяком случае, стало ясно – он не крал моих денег. Это вряд ли можно назвать утешением, но хоть определенность появилась. С этим выводом я и пошла спать.

ГЛАВА 5

Утренняя обстановка в доме была далека от идеальной. Я специально встала пораньше, чтобы расставить все точки над «і». Когда домашние собрались за столом, наглядно демонстрирующим мои кулинарные таланты, я объявила не допускающим возражений тоном:

– Муж мой и дочь моя, вынуждена вам заявить, что у меня сейчас на работе чрезвычайно трудный период. Отягощать ваше сознание подробностями я не буду, это ни к чему. Однако очень прошу вас быть снисходительными ко мне в этот период. Считайте, что у меня внеочередная командировка. Я надеюсь, что недели через две все утрясется. А до того, пожалуйста, постарайтесь быть сдержанными.

На что ехидная Натка заявила:

– Я так и делаю, с тех пор как ты машину купила. Считаю тебя дезертиром с семейного фронта.

А Сергей, накрученный еще со вчерашнего, бросил следующую фразу:

– На правах мужа, если мы, конечно, еще муж и жена, я настоятельно желаю знать суть твоих проблем!

Ну что ж, я ненадолго задумалась, а потом выдала:

– У нас вчера в институте человека убили...

Выдержала паузу и добавила:

– Подозревают меня!

Меня тут же завалили восклицаниями и вопросами, но я картинно закрыла лицо руками и имитируя рыдания, воскликнула:

– Все! Больше ни слова! Оставьте меня!

Вот такой незамысловатый трюк сразу перевел меня в глазах Верницкого из обвиняемой в разряд жертвы, что сразу сказалось на моем семейном статусе. Прежние обвинения канули в Лету, а я вновь стала любимой и ненаглядной.

С трудом выпроводив сгоравших от любопытства мужа и дочь на работу и в школу, я и сама через полчаса покинула дом.

Дорога до работы заняла всего полтора часа – достижение! Так глядишь и с Шумахером сравняюсь. Запишусь в «Формулу–1» и стану гонять.

У института мне сразу же повезло. У крыльца стояла серебристая «Вольво» 840, на которой ездила Жеребцова. Рядом с машиной фланировал Жора.

Я специально припарковалась поближе, на что он сразу отреагировал.

– Добрый утро, Валерия Михайловна! – он прищурил глаз, выпятил губу и продолжил. – Какой машина у вас, да? Красивый, как и вы, да? Эх, и зачем у такой женщина – муж? Такой женщина с такой машина должна быть свободной, да? Как ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.